

DOI: 10.53737/5034.2023.44.99.018

С.А. Яценко, А.А. Сланов, А.Х. Хутинаев

ОСЕТИНСКИЕ ГРАФФИТИ НА ПОСТРОЙКАХ ВЕРХОВЬЕВ БОЛЬШОЙ ЛИАХВЫ*

Экспедиция 2023 г. в один из районов Южной Осетии изучала граффити в 20 основных селениях 6 соседних ущелий. В основном они размещались на башнях фамилий или патронимий. Особенно интересны 3 башни двух соседних селений в Ермане, (на которых граффити, включая 4—5 тамг, были на каждом углу или стене). Они были семейными башнями-святилищами. В этих селениях тамги были на всех сохранившихся башнях. Тамги продолжали активно использоваться и после падения монархии в России. Чаще всего граффити-тамги использовали мигранты из северного Куртатинского общества. Рассмотрены особенности размещения на зданиях основных образов местных граффити, которые заметно различаются. Существовала частичная преемственность мест нанесения и круга образов граффити от древних сарматов и средневековых аланов.

Ключевые слова: граффити, тамги, Южная Осетия, верховья Большой Лиахвы, XVII—XX вв., сюжеты и места изображения граффити на зданиях.

Сведения об авторах: Яценко Сергей Александрович¹, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет; Сланов Алан Акимович², доктор исторических наук, заведующий Отделом археологии, Институт археологии и истории Республики Северная Осетия — Алания; Хутинаев Алан Хазбиевич³, чемпион России, тренер по айкидо, Федерация айкидо Северной Осетии.

Контактная информация: ¹125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6, Российский государственный гуманитарный университет; e-mail: sergey_yatsenko@mail.ru; ²362025, Россия, г. Владикавказ, ул. Ватутина, д. 46, Институт археологии истории Республики Северная Осетия — Алания; e-mail: iia555@yandex.ru; ³362015, Россия, г. Владикавказ, ул. Коблова, д. 1, Федерация айкидо Северной Осетии; e-mail: yamagama.takumi@mail.ru.

S.A. Yatsenko, A.A. Slanov, A.Kh. Khutinaev

OSSETIAN GRAFFITI ON THE BUILDINGS IN UPPER BIG LIAKHVA BASIN

The expedition in 2023 studied graffiti in one of the regions of South Ossetia, in 20 main villages of 6 neighboring gorges. Usually, they were placed on the clan / lineage towers. 3 towers of two neighboring villages in Erman (on which graffiti including 4—5 tamga-signs were on each corner or wall) were the particularly interesting. They were the family sanctuaries. In these villages the tamgas were on all the surviving towers. The tamgas continued to be actively used after the fall of the monarchy in Russia. Most often, graffiti-tamgas were used by migrants from the northern Kurtaty Community. The features of placement on buildings of the main images of local graffiti, which differ markedly, are considered. There was a partial continuity of the places of application and the range of graffiti images from the ancient Sarmatians and medieval Alans.

Key words: graffiti, tamgas, South Ossetia, Upper Big Liakhva Basin, 17th — 20th cc., plots and places of graffiti on buildings.

About the authors: Yatsenko Sergey Aleksandrovich¹, Dr. habil. (History), Professor, Russian State University for the Humanities; Slanov Alan Akimovich², Dr. habil. (History), Archaeology Department head, Institute of Archaeology and History of Northern Ossetia — Alania Republic; Khutinaev Alan Khazbievich³, Champion of Russia, aikido coach, Aikido Federation of Northern Ossetia.

Contact information: ¹125993, Russia, Moscow, 6 Miusskaya Sq., Russian State University for the Humanities; e-mail: sergey_yatsenko@mail.ru; ²362025, Russia, Vladikavkaz, 46 Vatutin St., Institute of Archaeology and History of Northern Ossetia — Alania Republic; e-mail: iia555@yandex.ru; ³362015, Russia, Vladikavkaz, 1 Koblova St., Aikido Federation of Northern Ossetia; e-mail: yamagama.takumi@mail.ru.

---

* Статья поступила в номер 30 июля 2023 г.
Принята к печати 11 августа 2023 г.

Предлагаемый читателю материал относится к одной из позднесредневековых горских общностей Закавказья. Речь пойдет о, пожалуй, наиболее консервативном до недавних пор в плане сохранения традиционного уклада сообществе Южной Осетии — об обитателях истоков реки Большая Лиахва, по данным К.К. Кочиева — более восточного Урстуалгом / *Урстуалтæ* (или *Куырттатæ*) и западнее — *Æгъуызатæ* (от с. Згубир и ущелья Сба) — группы из 45 маленьких селений (*хъæу*), населенных представителями 47 фамилий / кланов (*мыггаг*) и расположенных в нескольких смежных небольших ущельях (известных обычно по названию основного селения в каждом)¹, на востоке обширного нынешнего Дзауского (Джавского) района. Одно из поэтических названий этого края — «Страна башен», и дано оно не зря². Действительно, этот район богат старыми постройками (обычно — каменными): боевыми башнями (*мæсыг*) отдельных патронимий или фамилий / кланов, укрепленными жилыми домами (*гæнах*); немало здесь фамильных склепов (*зæппазд*), обычно полуподземных, и святилищ разного облика и уровня почитания (*дзуар*).

Архитектурные памятники этого региона изучались неоднократно³. Основную работу в этом плане проделал с 1966 по 1989 г. Р.Г. Дзаттиаты, издавший свод наиболее важных памятников Южной Осетии (Дзаттиаты 2002). Ее продолжением стали обследования двух соавторов (А.А. Сланова и А.Х. Хутинаева) в постсоветский период. На их основе была подготовлена еще одна обобщающая работа (Сланов 2017). Есть и другие полезные обзоры памятников региона, в частности самых верхних (восточных) селений (Маргиев 2018: 62—88). Наша небольшая этнографическая экспедиция в июле 2023 г.⁴ преследовала, в основном,

¹ Во многих селениях проживали только представители одной фамилии, и иногда таких малых селений одной фамилии было по ущелью несколько подряд (с. Нижний Рук — Плиевы; с. Верхний Сба — Абаевы; с. Галуата — Галуевы; с. Згубир (Саулохтыкау) — Шавлоховы; в ущелье Челиат — Макиевы в с. Даллагкау, Уаллагкау, Гассиатыкау, Цагатыкау и Ламардон; в ущелье Брыгат — Слановы в с. Хеусурта и Саумасыг) (Сланов 2017: 21—23). В имперский период в этой части Горийского уезда Тифлисской губернии низшими административными центрами были Рук (Рокъа), Згубир (Згубири) и Едыс (Эдиси). Относительно места, где начинается Большая Лиахва, на картах есть разночтения. Чаще всего ее начинают от слияния рек Ермандон и Рокдон южнее селения Нижний Рук / Дзуарыбын / Роки у нынешней Транскавказской магистрали.

² Только в этом небольшом регионе на сегодня выявлена 71 башня, 40 из которых достаточно неплохой сохранности, 3—5 баллов (Сланов 2017: 39—42). Ранее количество башен оценивалось *во всей* Южной Осетии не более 45 (Дзаттиаты 2002: 24). Больше всего башен было в группе селений в Рукском ущелье у р. Рукдон — 18. Собственная башня в осетинских обществах в старину была едва ли самым главным престижным элементом бытия, и любая «сильная» фамилия старалась иметь хотя бы одну. Однако по прямому свидетельству хорошо информированного царевича Вахушти Багратиони в гл. 4 географического раздела его знаменитого «Жития Грузии», в первой половине XVIII в. «...если овс или двал *возвысится или разбогатеет*, то он...строит башню» (Цховребов 1962: 218). Иными словами, строили башни не только фамилии, считавшиеся знатными. Более того, в Урстуалгоме в каждом селении в идеале должна была иметься башня; не было ее лишь в самом бедном из 45 селений — Ханикатикау (Сланов 2017: 26, 31).

³ Отметим, что в русскоязычной передаче осетинских топонимов и традиционных фамилий и сегодня имеется немало разночтений. Для изучаемого региона одна и та же фамилия пишется то Джелиевы, то Гельдиевы; селения могут именоваться то Брыгат и Едыс, то Бритат и Едис (первыми даются те, что нам представляются более точными). Имеют место и недавние бюрократические переименования, когда для простоты написания все расположенные рядом мелкие селения вдоль ущелья называют по одному более крупному, условно выделяя Верхнее, Среднее и Нижнее. Так, в Рукском ущелье селение Рук реально было только одно (нынешний Верхний Рук); Средний на деле представлял собой 4 малых селения, Нижний — 3. В более восточном ущелье Сба такое же название селения было лишь у нынешнего Среднего Сба (Нижний называли Дзаттиатыкау, Верхний — Кугом). Небольшие речки (дон), из которых состоят истоки Большой Лиахвы, нередко назывались по основному селению на них (Рукдон, Сбадон, Челиатдон, Ермандон), а сами селения — по именам их основателей.

⁴ Большую организационную и техническую помощь (прежде всего — транспортом) при работе в этом почти обезлюдившем горном районе оказали нам директор Владикавказского научного центра РАН А.Л. Чибиров, его родственники и друзья. Немалую поддержку мы получили от Владимира Босикова — владельца известного пансионата «Аландон» с лечением минеральными водами у с. Згубир, на территории которого мы базировались. Полевой сезон 2023 г. являлся своеобразным «юбилейным» продолжением маршрутов А.А. Сланова и А.Х. Хутинаева ровно за 20 лет до этого, в 2003 г. Разделение труда между соавторами предлагаемой статьи было следующим. Основная часть текста написана С.А. Яценко; им сделаны также все публикуемые здесь фото сезона 2023 г. Два других соавтора оказали разнообразную помощь в

конкретную цель — *более полную, точную и системную фиксацию различных граффити на постройках*, сделанных в период сохранения традиционного быта (до коллективизации в регионе в 1930 г.)⁵, уточнение сделанных прорисовок, выявление новых изображений, их системное описание и анализ. При этом строительство башен (которое активно велось в XVI—XVIII вв.) прекратилось уже к началу XIX в.; напротив, в 1804—1850 гг. они последовательно разрушались имперскими властями (в основном — подрывались зарядом пороха в одном из углов, изредка — приказом самим более влиятельным хозяевам разобрать их до определенной высоты) в связи с несколькими «волнениями» осетин. Основной способ воспроизведения граффити — серия качественных цветных фото (в советское время у Р.Г. Дзаттиаты явно преобладали прорисовки с натуры, выполненные в разных условиях).

Выбранный для обследования район на высоте от 1500 до 2300 м нельзя назвать сегодня простым для подобного рода работ. Прежде всего, многие селения полностью покинуты жителями; подчас в более доступные из них приезжают несколько пожилых людей на теплое время или городская семья имеет дачу на земле предков; бывшие дороги к ним и мосты через местные речки (иногда текущие с близких ледников) нередко уже нельзя использовать, или они исчезли. В ряде мест (например, выше по реке от с. Брытат и у с. Галуата) самым удобным маршрутом увяжутся тропы, проложенные многочисленными теперь медведями. Карта этого района (рис. 1) при оценке наших маршрутов мало что говорит: иногда в соседние брошенные селения, расположенные «по карте» всего в 2—3 км друг от друга, уже нельзя попасть даже на хорошем внедорожнике, и надо добираться пешком через горы (например — из с. Кабузта в с. Галуата). На территории самих брошенных селений руины бывших жилых и хозяйственных построек часто окружают плотные заросли крапивы и борщевика высотой в 1,5 человеческого роста, скрывающие внизу крупные камни или бывшие подвалы. Наш маршрут совпал с необычно длительными дождями в горах, и даже небольшие речки в основном стали непроходимы вброд без специального оборудования. В результате мы не смогли попасть в самые верховья двух малых ущелий правобережья Б. Лиахвы (принадлежавшее Абаевым с. Верхний Сба с двумя башнями неплохой сохранности — 3—5 баллов (Сланов 2017: 39—42); в малые селения выше Челиата и Бызырата, заселенные когда-то фамилией Макиевых, с одной такой башней); впрочем, это не меняет полноты нашего обследования, т.к. по более ранним данным, никаких граффити на этих постройках нет. К счастью, в недавнее время здесь не было сильных землетрясений, подобных произошедшему в соседнем г. Дзау (Джава) в апреле 1991 г.

Читателю стоит учесть и другие наши обычные технические проблемы в ходе ежедневных маршрутов. Каждые рабочие сутки были ограничены длиной светового дня (который в ущельях начинается позже и кончается раньше), и условия для фото не всегда были идеальными. Часть граффити оказывалась на довольно большой высоте башен. В условиях влажного климата высокогорных альпийских лугов и края лесной зоны поверхность построек на большой площади покрыта лишайниками оранжевого цвета, закрывающими часть изображений (иногда их, если они находились низко, удавалось частично снять). Многие сооружения, по сравнению с предыдущими годами (когда их первоначально описывали), продолжали разрушаться (это было

ознакомлении с памятниками, в нахождении ряда неизвестных изображений и в нескольких случаях — в их интерпретации. Кроме планомерного осмотра собственно ущелий верховьев Лиахвы, мы также смогли в этот сезон увидеть некоторые памятники части Чеселтского (Кешелтского) ущелья (с. Чеселт), Кударского (с. Кацмазта и Лет), а также часть Тлийского ущелья (у с. Стыр Тли) в том же Дзауском (Джавском) районе. Все изучаемые изображения иллюстрируются здесь не черно-белыми прорисовками, как до сих пор было принято (увы, любая такая прорисовка имеет налет авторской субъективности), а качественными цветными фото.

⁵ Позднейшие граффити (обычно это краткие надписи кириллицей, сделанные узкими лезвиями стальных ножей) нас в целом специально не интересовали. Проводилась также дополнительная фотофиксация объектов и мониторинг их состояния, уточнялись их координаты и т.п. При этом на штукатурке зданий, как наружной (ее фрагменты сохраняются редко), так и внутренней, знаки и сюжетные граффити не выявлены (за исключением однокамерного святилища Уастырджи в северо-восточной части с. Ходз, где на внутренней стороне северо-восточной стены на штукатурке нанесен обычный «вертикальный» крест).

заметно, например, в селениях Ходз и Верхний Ерман). Как можно догадаться, в завалах камней от взорванных когда-то (чаще всего — в 1830 г.) имперскими войсками частей башен осмотр возможных граффити всегда был безрезультатным. Для всех изучаемых селений в принципе отсутствуют общие их планы за какой-либо период (их *отчасти* могут заменить панорамные фото; но на них видны только те постройки, которые выглядывают из-под высокой и густой растительности, выросшей в когда-то углубленных помещениях и на местах скопления навоза от скота). Обычно для башен и укрепленных домов известны их стабильные или поздние хозяева (фамилии / кланы и их патронимии), или же инициаторы строительства, но в нескольких случаях такой информации нет (к счастью, на таких постройках граффити не было).

Граффити местных жителей даже послевоенного времени (по 1960-е годы включительно) обычно гравированы по старинке — точечной выбивкой (иногда — в твердой породе). После Второй Мировой войны и здесь, разумеется, стали активно использовать стальные ножи с тонким лезвием. Делать большую серию микро-фото для более детального изучения следов инструментов у нас не было возможности.

Наиболее обычными объектами, на которых размещались граффити в верховьях Лиахвы, были *башни (массыг)*. В связи с этим важна позиция основного их исследователя Р.Г. Дзаттиаты относительно условий строительства и использований башен (Дзаттиаты 2022: 17—38, 205—209). Эта позиция во многом выглядит противоречивой. С одной стороны, башни явно ставили на удобных и видных местах, с другой стороны — многие из них сегодня, наверное, не видны и потому не выявлены. С одной стороны, приводятся сведения о весьма жестких ограничениях на строительство башен «сильными» на тот момент (не обязательно знатными) фамилиями (*мыттаг*), с требованиями соседей урезать их высоту и т.п., с другой — этих «сильных» фамилий получается для ряда населенных осетинами регионов, вроде бы, неправдоподобно много. С одной стороны, признается, что датировка конкретной башни должна определяться археологическими раскопками, с другой — уверенно утверждается, вслед за И.П. Щеблыкиным (Щеблыкин 1928: 12), что почти все башни построены с момента распространения в регионе ружейного боя (в результате Л.А. Чибиров считает, что башни стали интенсивно строить с XIV в., Р.Г. Дзаттиаты — с XVI в., а И.Т. Маргиев — с начала XVII в.). С одной стороны, отмечается, что башни обычно называли по фамилии / клану, и когда она одна и когда их несколько (и это явно имело значение в тогдашнем обществе, например — отражало участие всей фамилии в строительстве), с другой — утверждается, что на деле они принадлежали, прежде всего, отдельной патронимии (группе малых семей) внутри фамилии или даже — активному главе малой (нуклеарной) семьи, бывшему заказчиком (эти имена иногда действительно в названии башен сохранились). В нашем маленьком микрорайоне на сегодня известна 71 башня (!). Трудно поверить, что все дело только в престижности их строительства (см. в прим. 2 устойчивое представление о необходимости башни в каждом малом селении). Для этого явно имелась и другая причина, более прозаическая, но Р.Г. Дзаттиаты не упомянутая — *наличие повышенной опасности от соседей* в те или иные моменты строительства башен. Иначе единственная проживающая фамилия не строила бы в маленьком и труднодоступном селении более одной башни (как это было, например, в с. Галуата).

Р.Г. Дзаттиаты также основательно изучал известные ему *граффити* на постройках Южной Осетии (он называет их по северокавказской археологической традиции более широко «петроглифами», хотя в действительности дипинти — рисунки краской — в регионе не выявлены). В их трактовке позиция исследователя тоже весьма противоречива. Он считает их, в первую очередь, «магическими символами» и «сакральными образами» (без уточнений), а обереговую и декоративную функции — менее значимыми. Однако, например, на башне в с. Лет Кевсельского ущелья он видит пиктографический рассказ о реальном ее строительстве⁶. Под

⁶ В этой сцене представлены в ряд над входным проемом 9 стоящих людей с расставленными руками и ногами и две вписанных в круг и в крест сложных композиции (в первом случае с солярными символами, во втором — с вертикальными кинжалами и парой существ в характерной «позе лягушки») (ср. Дзаттиаты 2002: 176—177; рис. 5: 4). Их отдельные детали имеют аналогии во многих местонахождениях петроглифов разных

магическими символами автор, вероятно, подразумевает солярные изображения (от вполне «реалистического» солнца с лучами в с. Ходз (рис. 11: 8) до более схематичных креста в круге, свастика или по-разному ориентированного простого креста), лук со стрелой (рис. 6: 3) и кисть руки (рис. 14: 4, 9), то есть обычные для многих районов мира сюжеты⁷. К сакральным образам он, похоже, относит фигуру всадника в том же Ходзе (в нем Р.Г. Дзаттиаты видит Уастырджи). На наш взгляд, гораздо большую роль имела *обереговая* функция этих изображений (которую, конечно, трудно противопоставлять магии). В самом деле, мы видим граффити именно на таких объектах, как башни и укрепленные дома (где люди со своими близкими укрывались во время опасности), изредка — на фамильных склепах (считавшимися не всегда безопасным окном в Иной мир). Особой темой являются изображения фамильных и семейных *тамг*. Р.Г. Дзаттиаты теоретически признает их существование на петроглифах, но видит их только в единственном случае: два знака на нижней башне Джелиевых в Верхнем Ермане (Дзаттиаты 2002: 178). Это не удивительно: тамгами осетин и других народов Кавказа, а также сарматскими и аланскими, исследователь специально не занимался. Поэтому знаки, размещенные на разных объектах там, где у предков осетин и кавказских соседей помещали тамги, имеющие прямые аналогии по форме достоверным тамгам сарматов, средневековых аланов или кавказских народов и т.п., он тамгами не считает, а видит в них обычно стилизованные до предела фигурки разных животных (черепаху, но с 6 лапами, на склепе Фарниевых в Ходзе (рис. 9: 4—5; 10: 5); бегущую лошадь на крайне простом значке геометрической формы с башни Короевых в Верхнем Ермане (рис. 3: 6) (Дзаттиаты 2002: 178—179) или же кресты, у которых почему-то появились загадочные, «неясной смысловой нагрузкой» дополнительные выступы, как на нижней башне Джелиевых в Верхнем Ермане (рис. 5: 4—5) или на нижней башне Фарниевых — в Среднем (рис. 8: 4—5) (Дзаттиаты 2002: 178—179)⁸, и т.п. (см. подробнее о таком подходе: Яценко 2023: 439). Не интересовался осетинскими тамгами и другой известный исследователь осетинской традиционной архитектуры — В.Х. Тменов; соответственно, он был склонен толковать «непонятные знаки» в романтическом ключе. Реально широко бытовавшие у народов Кавказа одиночные тамги (знаки собственности и сопричастности) он на деле склонен был подчас рассматривать как элементы некоей загадочной прото-письменности (Тменов 1995: 225). Однако во многих случаях ученый в большей степени давал волю фантазии: в одиночной тамге простой формы на зданиях он видел то обозначение дневного пути движения солнца, то фигуру богини, но почему-то — с фаллосом, и т.п. (Тменов 1988: 139—140, 143; ср. Яценко 2023: 438).

В целом граффити на постройках верховьев Большой Лиахвы во многих случаях не заслужили даже прорисовки, и лишь кратко упоминаются в тексте. Это соответствует представлениям коллег об их значимости в контексте истории культуры и о возможностях их корректного изучения (неясность сюжетов и планиграфии их размещения на зданиях, фрагментарная сохранность части из них, некоторые сложности их обнаружения и др.).

Наше описание зафиксированных граффити (в том числе — тамг) на постройках региона мы начнем с наиболее богатых ими селений и будем их рассматривать «по убывающей» (с востока на запад). Наиболее интересные в этом плане селения расположены на самом востоке — у истоков Б. Лиахвы и границ Кельского вулканического плато (с. Верхний и

районов Евразии. Видеть в них конкретный и длинный рассказ Тесола Кайсинова о деталях убийства 5 бандитствующих братьев Малддзиговых Короевыми и присвоении ими башни мы пока не решаемся.

⁷ Кисть руки Р.Г. Дзаттиаты считает наиболее распространенным петроглифом на Кавказе во все времена (Дзаттиаты 2002: 179). С этим мнением мы не согласны. В изучаемом регионе наиболее распространенный сюжет рисунков — кресты и, как выяснилось, тамги. Эти кресты явно не связаны напрямую с христианством, и являлись именно *оберегами*. Примерно такую же роль играла в культуре осетин традиция перед принесением в жертву барана метить его лоб горячей головней знаком в форме креста.

⁸ К сожалению, в атрибуции обеих этих башен у Р.Г. Дзаттиаты возникла путаница. В Среднем Ермане он атрибутировал другой фамилии Хобозовых башню, которая на деле была второй (нижней или восточной) башней Фарниевых (№ 51 в Приложении) (рис. 8), тогда как настоящую башню Хобозовых, находящуюся неподалеку, к северо-западу, совсем не упоминает. В Верхнем Ермане нижняя башня Джелиевых (№ 52, где имеется много граффити) (рис. 5) спутана в тексте и названа вместо верхней — № 53 (рис. 4) (см. Дзаттиаты 2002: 178, 193—194, 203—204).

Средний Ерман, Ходз). Они были заселены «первой волной» выходцев из ряда селений Куртатинского общества Северной Осетии. «Куртатинцы» гордились своим происхождением и считали себя более «благородными», чем более западные соседи Агъуызатæ (и наоборот). Важно для нас и с. Едыс, которое, как и с. Челиат, было основано «второй волной» переселенцев — уже из Тагаурского ущелья (Дзаттиаты 2002: 209; Сланов 2017: 15). Интересно, что из небольшого списка фамилий — хозяев построек с граффити — происхождение некоторых, как Кубилаевы (с. Верхний Ерман), Фарниевы (с. Средний Ерман), Бегизовы и Кобеевы (с. Едыс), Галуевы (с. Галуата), не отражено даже в таком широко известном издании, как «Осетинские фамилии» В.Ф. Гутнова (Гутнов 2019); частично оно уточнено одним из соавторов — А.А. Слановым (Сланов 2017: 16).

Верхний Ерман

Это самое восточное и дальнее из селений Урстуалгома на правом берегу реки Ермандон, на высоте 2200 м. Оно связано с прилегающей к юго-востоку долиной р. Ксани / Чысандон (с Дзымырским обществом) Кельским перевалом (закрытым по природным условиям с ноября по май). Холодный климат здесь нередко приводил к гибели на полях местного урожая злаков под выпавшим снегом. Из-за мизерного количества лесов в ближней округе жители трех соседних селений Ермана испытывали дефицит дров и, соответственно, считались плохими кулинарами, неважными изготовителями традиционного домашнего пива и т.п. Для пополнения бюджета некоторые из них занимались, однако, изготовлением престижной деревянной мебели (резных кресел). Здесь также, наряду с Едысом, жили отдельные хорошие мастера, делавшие сабли. Ерманцы слыли людьми с неуживчивым характером, но одновременно имевшими боевые башни хорошего качества (Сланов 2017: 18—19). Из 13 достоверных святилищ Ермана 7 связаны с Нижним Ерманом (включая два столпообразных) и по три — со Средним и Верхним.

В Верхнем Ермане жили представители 6 фамилий (Джелиевы, Короевы, Кубилаевы, Козыровы, Гаховы и Габуаевы) (Сланов 2017: 23). Однако здесь были всего 4 документированные башни сравнительно хорошей сохранности (от пятой, между башнями Джелиевых и Кубилаевых, сохранились лишь нижние ряды кладки, ее принадлежность неизвестна). При этом, разумеется, все башни имеют следы взрыва одного из углов имперскими войсками (рис. 2). У башен были различные небольшие пристройки. Выявленные граффити сосредоточены именно на этих башнях, на зданиях других типов — склепах, святилищах (три последних находятся выше в горы, к востоку от селения) их нет. У некоторых пристроек к башням в Ермане на одном из углов был единичный крест-оберг (комплексы верхних башен Джелиевых в Верхнем Ермане и Фарниевых в Среднем). Все фамилии селения имели и свои фамильные склепы (все, кроме № 1 — полуподземные (Дзаттиаты 2002: 316) (последний — надземный, высотой более 5 м, возможно, принадлежал Джелиевым, имевшим две башни, одну из их — недалеко от этого склепа); два из них находятся на холме за речкой, к юго-востоку от селения.

Наиболее интересной (и уникальной для осетин) особенностью селения является то, что на всех сносно сохранившихся башнях документируются граффити и, в том числе, тамги хозяев.

1. Башня Короевых. Короевы имели местное происхождение (Сланов 2017: 17). Башня сохранилась несколько менее остальных трех. Здесь взорван южный угол в верхней его части, повредив половину юго-восточной стены и верхний правый угол смежной юго-западной (рис. 3: 1). Описание башни дано с ошибками⁹. Еще в советское время был цел входной проем в центре юго-западной стены (рис. 3: 6), который затем обрушился. Вместе с тем, при его разрушении чудом почти целиком сохранилась одна из немногих во всех

⁹ Утверждается, что башня располагалась не в восточной части селения, а в северной, что вход был не на юго-западной стене, а на юго-восточной (Дзаттиаты 2002: 294).

районах проживания осетин массивная двухстворчатая дверь башни (рис. 3: 2), которую А.А. Сланов после нашей экспедиции доставил в цхинвальский музей. По словам осмотревшего ее местного старожилы, она сделана из древесины тисса. Граффити на этой башне сконцентрированы на двух участках в западной части: у западного угла, на смежных северо-западной и юго-западной стенах, а также на правой верхней угловой плите над дверным проемом. Все доступные сегодня знаки здесь выполнены в одной манере и, вероятно, однотипным инструментом — чем-то вроде узкого долота, причем иногда (рис. 3: 4) видна линия из следов ударом им под углом (в остальных случаях неровности линий заглаживали, чтобы граффити выглядели более аккуратно).

На северо-западной стене, ближе к ее правому (западному) углу, у основания кладки изображен «вертикальный» крест — наиболее обычный тип граффити в регионе (рис. 3: 3). Сюрпризом стало то, что остальные 4 знака по аналогиям их форме можно считать *тамгами* (все они ранее рассматривались невнимательно, считались простыми крестиками и свастикой и поэтому не иллюстрировались). Прежде всего, над несохранившимся дневным проемом (рис. 3: 6), вверху центральной его части, то есть над свастикой, «осеяемая» по сторонам двумя крестами, изображена тамга (очень схематичная «бегущая лошадь» по Р.Г. Дзаттиаты). Близкий знак использовался в поздний период как тамга кабардинцами Шовгеновыми (Лавров 1978: Приложение, № 409). Вероятно, именно эту тамгу, находящуюся прямо над входом в башню, можно здесь считать «главной» из четырех — принадлежащей инициаторам ее строительства и т.п. На западном углу со стороны юго-западной стены изображены рядом на одной плите два знака, которые когда-то приняли за два креста — «прямой» и «косой» (рис. 3: 5). Между тем, при хорошем освещении и серии качественных фото стало ясно, что речь идет о более сложных знаках (рис. 7: 3—4). Итак, здесь размещение пары тамг встречено в линию, на одном камне кладки. На большей высоте в северо-восточном углу, справа выбит одиночный знак, якобы «свастика» (рис. 3: 4; 7: 1). Он имеет точную аналогию по форме (хотя иначе ориентирован в пространстве) на двери кунацкой Айларовых в с. Нижний Кани Тагаурского общества, но пока не идентифицирован ни с тагаурцами, ни с их какими-либо гостями (Яценко 2023: 449—450, рис. 9: 21). Итак, 7 из 8 знаков здесь сконцентрированы на двух участках западной части башни; в обеих зонах при этом имеются кресты и тамги. Однако в целом они имеются на всех трех сохранившихся (полностью или отчасти) стенах (рис. 3: 7). *Не будет ошибкой предположить, что они имелись и на сильно пострадавшей юго-восточной стене, то есть граффити были на всех стенах* (близкую ситуацию мы встретим еще на двух башнях в урочище Ерман).

2. Башня Джелиевых верхняя. Фамилия Джелиевых (Гелдиевых) происходит из Куртатинского ущелья, из с. Дзаурикау (Сланов 2017: 17; Гутнов 2019: 262—263). Башня сохранилась немного лучше других (рис. 4: 1). К северо-западной ее стене примыкала постройка из нескольких прямоугольных секций (сохранились нижние части стен). На северо-западной стороне северной стены ее северо-восточной пристройки высечен крест (рис. 4: 2). Граффити этого комплекса гравированы инструментами как с узким, так и с широким лезвием (на башне они сочетались даже при нанесении одного знака), возможно — под разными углами.

Западный угол башни был взорван имерской армией. В результате вся северо-западная и почти вся юго-западная (кроме южного угла) стены оказались разрушены. На северо-восточной стене башни был вход. В нижней части юго-восточной стены на плите длиной около 1 м была выбита любопытная композиция, ранее не описанная (рис. 4: 3). Она представляет интерес, хотя относится уже к советскому времени (мы еще убедимся, что такие надписи, сопровождаемые тамгой, делались местными жителями по важным поводам). Вдоль плиты идет надпись «1923 годъ»; выше изображены инициалы «Д.К.» (Джелиев К.). Правее и ниже даты гравированы еще какие-то неясные инициалы меньшего размера. На правом краю композиции представлена уникальная тамга (рис. 7: 5). За несколько месяцев до этой даты (в апреле 1922 г.) была создана юго-осетинская автономия, и население, которое

летом 1920 г. было вынуждено уйти в Северную Осетию, спасаясь от карательных войск Грузинской Демократической Республики, стало массово возвращаться с Севера в родные места. Из-за больших разрушений стен этой башни можно предполагать, по аналогии с остальными в этом селении, что граффити на ней первоначально было больше.

3. Башня Джелиевых нижняя. Вход в нее на юго-восточной стене. Взорван был северо-западный участок, включая северный угол башни. К восточному углу с юго-восточной стороны примыкала небольшая прямоугольная однокамерная пристройка; ее стены сохранились на высоту до 1,5 м. Приводимые ниже граффити обычно выбиты инструментом с узким лезвием, линии имеют неровные края; лишь один из крестов (рис. 5: 4) выбит более широким лезвием. Крест и два знака у западного угла юго-западной стены, а также фигура лошади (рис. 5: 4—6, 8) изображены в публикации с ошибками (Дзаттиаты 2002: рис. 25: 3—6).

Здесь знаки в виде обычного креста встречены дважды: на юго-восточной стене, в левом верхем углу обрамления дверного проема (сегодня этот знак плохо виден) (рис. 5: 2), и с левой стороны (недалеко от западного угла) юго-западной стены (рис. 5: 3). На восточном углу северо-восточной стены гравирована неоконченная удлиненная фигура идущей влево лошади (изображена передняя половина и намечен хвост); судя по воплощенной части, всадник здесь не предполагался (рис. 5: 8). У лошади короткая толстая морда, очень длинная шея. Уши, в отличие от остальной фигуры, изображены в полразворота. У южного угла юго-восточной стены на соседних по горизонтали плитах гравированы два знака, правый из которых (наряду с представленным на рис. 5: 6) Р.Г. Дзаттиаты единственные на весь Урстуалгом (!) считает тамгами (рис. 5: 5; 7: 7—8). Левый знак (рис. 7: 7), но «вверх ногами», представлен среди тамг гостей на камне, вделанном в стену в квартале Мидгау (Мидьгау) с. Галиат в Уаллагоме; он также идентичен тамгам двух кабардинских фамилий — Балкаровых и Хаудовых (Яценко 2023: 441, рис. 2: 8). На другом, восточном углу той же юго-восточной стены довольно высоко представлена еще одна тамга (рис. 5: 6; 7: 9). Взаимное размещение пар тамг здесь такое: либо одна над другой (рис. 3: 7 — над рис. 3: 3), либо рядом в линию (рис. 3: 5), но при этом — не на одной плите.

На западной углу юго-западной стены т.н. «крест» с дополнительными деталями (рис. 5: 3; 7: 6) тоже имеет точную аналогию в кавказском тамговом фонде — у абазин Пшинатлевых (Лавров 1978: Приложение, № 523). Правее и выше этой тамги выбит один из крестов, а точно над первой тамгой — вторая (аналогичная по форме изображенной на рис. 5: 6, но «положенная на левый бок»). Вероятно, это варианты знаков разных патронимий одной фамилии. Помимо этих знаков, в центре юго-западной стены высечена в той же манере любопытная надпись «С.А.Д(желиев). Р(ождества Христова) 1920», не привлекавшая до сих пор внимания. Как мы уже говорили, надписи с датами (и тамгами при них) явно высекались только по поводу очень важных событий в жизни хозяев башни. В данном случае речь идет о подавлении грузинской армией в июне-июле 1920 г. массового восстания осетин. После этого ряд осетинских селений опустел навсегда, а население региона в основном бежало на Север.

Всего на башне представлены 5 тамг, две пары из которых (рис. 7: 6—7, 9—10) близки между собой по форме; две из них (рис. 7: 6, 10) ранее не были известны. Северный угол был в свое время взорван имперской армией, но на остальных сохранившихся углах мы видим по два разных изображения: на южном углу это две тамги (рис. 5: 5), на восточном — тамга (рис. 5: 6) и фигура лошади, на западном — две тамги (рис. 5: 3, 10) и крест. В этом случае *есть основания думать, что граффити были и на не сохранившемся северном углу, и на каждом из четырех углов были тамги* (размещение их фактически ориентировано по сторонам света) (рис. 5: 9); аналогичную картину мы видели на башне Короевых. На лицевой юго-восточной стене имеется на разных камнях кладки 4 изображения — больше, чем на остальных.

Итак, на обеих соседних башнях Джелиевых в самом удаленном селении Туалгома — Верхнем Ермане (в Ходзе на башне этой фамилии нет граффити) есть по одной надписи, касающихся событий времен Гражданской войны в бывшей Российской империи и их прямых последствий. Эти надписи сделаны разными членами семьи Джелиевых с разными

инициалами. Более ранняя надпись на верхней башне «С.А.Д(желиев). Р(Рождества Христова). 1920» демонстрирует местное преломление трагического для здешнего населения восстания в июне—июле против меньшевистского правительства Грузии. Речь идет о каком-то собрании или акции, в память о которой сделана каждая надпись. Более поздняя из них на нижней башне «1923 годъ. Д(желиев).К.» отражает, видимо, другие события — последствия недавнего возвращения беженцев после прихода большевиков и создания юго-осетинской автономии.

4. Башня Кубилаевых. Это самая нижняя, западная башня, находящаяся в стороне от прочих (рис. 2: III; 6: 1). Кубилаевы — не патронимия (Дзаттиаты 2002: 294), а отдельная фамилия; однако ее происхождение неясно (Сланов 2017: 17, 21). Башня взорвана с западной стороны, повредив почти всю западную стену (кроме северо-западного угла) и юго-восточный угол восточной. Вход находился с восточной стороны. Плита в основании дверного проема на восточной стене сопровождается рядом знаков, которые опубликовались с существенными ошибками, поэтому дается новая их прорисовка (рис. 6: 2—3). Здесь представлены два варианта довольно небрежных «косых» крестов и горизонтальных линий, а справа, видимо, схематично показан обращенный вниз лук со вставленной стрелой. Последний вариант видим и среди росписей красной краской на склепе Цагараевых в с. Згид (Яценко 2023: 451, рис. 11: 2—3). На юго-восточном угловом камне лицевой восточной стены изображена тамга (не замечена ранее) (рис. 6: 4; 7: 11), близкая уже известной на башне Короевых (и тоже на угловом камне). По сравнению с фигурами в основании дверного проема, она выполнена более широким лезвием и имеет неровные края.

Средний Ерман

В этом селении проживали представители 5 фамилий: Фарниевы, уже известные нам по Верхнему Ерману Короевы, а также Хамицаевы, Туаевы и Бугуловы. Все фамилии имели собственные полуподземные склепы. Башен, однако, здесь всего 4 (у Бугуловых ее не было), причем от одной из них (Туаевых) остался лишь фундамент, а башня Хамицаевых разрушена несколько сильнее, чем обе фарниевские. Из трех башен граффити, причем в большом числе, сохранились лишь на одной, к которой мы теперь обратимся.

1. Башня Фарниевых восточная (нижняя). Фамильное имя Фарниевых связано своим происхождением с важным общеиранским религиозным понятием «*farn*». Она происходит из с. Дзивгис в Куртатинском ущелье (Сланов 2017: 17; Гутнов 2019: 668). Похоже, что Фарниевы занимали в селении особое положение. Их владения находились компактно у главного, западного въезда в него, у них были две башни, а родовой полуподземный склеп находился у их домов и западной (верхней) башни (склепы остальных фамилий располагались компактно, выше башен, на северном краю селения, по линии запад — восток, вдоль склона). В ходе «волнений» 1850 г. именно этот статус (и хорошие отношения с имперскими властями) уберегли одну из их башен (западную, верхнюю) от разрушения, т.к. хозяин хотя и получил разрешение, но вернулся с ним поздно. Поэтому вторую башню постигла обычная судьба: она была взорвана в северо-западном углу. В описании башни есть путаница: помимо того, что она неверно отнесена к Хамицаевым, утверждается, что дверной проем не сохранился (на деле он прекрасной сохранности и находится с южной стороны), а граффити нанесены, помимо западной, на северной, а не на южной стене. С ошибками переданы знаки (рис. 8: 4, 8) (ср. Дзаттиаты 2002: 294, рис. 24: 3, 5). С юго-востока к башне очень близко к башне построено отдельное хозяйственное помещение (рис. 6: 1).

Главная тамга здесь, несомненно, нанесена на южной входной стене ниже и чуть правее входного проема, почти у уровня почвы (рис. 8: 4; 10: 1). Плита с нею многократно небрежно перечеркнута горизонтальными и отчасти вертикальными линиями, что для изображений тамг необычно, и у ряда народов Евразии выражало враждебное отношение к хозяевам эмблемы. Со стороны главной, западной фарниевской башни, на юго-западном углу на двух смежных камнях изображены три «креста». Один из них — обычный «вертикальный» крест, но два

других знака напоминают необычные свастики и заметно от него отличаются, при этом отчасти будучи похожи друг на друга (рис. 8: 8—9). Были ли они также оригинальными солярными символами или тамгами, сказать трудно. Второй имеет близкий аналог на башне у с. Меллер — в контактной ингушко-осетинской зоне Джейрахского ущелья (Дзаурова 2019: 318). На восточной стене внизу симметрично у обоих углов нанесены две тамги (у юго-восточного угла — рис. 8: 5; 10: 2; у северо-восточного угла — рис. 8: 7; 10: 3); специфический и очень редкий длинный волнообразный изгиб в нижнем правом углу последней известен и на тамге с башни в с. Бейни Джейрахского ущелья (Дзаурова 2019: 317). Выше и чуть правее первой тамги имеется плита с двумя крестами (рис. 8: 3). Наконец, на северо-восточном углу северной стены видим еще одну сложную тамгу (рис. 8: 6; 10: 4). Она близка по форме образцу на башне из того же с. Бейни в Джейрахском ущелье (Дзаурова 2019: 291). Размещение парных тамг (рис. 8: 6—7) здесь на одном камне, но с разных сторон угла здания.

Итак, на башне представлено не менее 4 тамг, 3 креста и 2 необычных свастики (?) *на всех трех сохранившихся углах (и, как на двух башнях в Верхнем Ермане, есть основания предполагать их и на четвертом, взорванном)* (рис. 8: 10). Кроме этого, на подходе к комплексу со стороны главной фарниевской башни, примерно в 2 м от ее юго-западного угла, лежит крупный и гладкий речной валун с уплощенной округлой поверхностью, длиной около 2 м. На его поверхности нанесено множество однотипных и близких по размерам инициалов мужчин из фамилии Фарниевых с характерным включением «Ф.»¹⁰. Эти инициалы, гравированные в позднеимперский и советский периоды еще в традиционной технике точечной выбивки, фиксируют присутствие членов фамилии на общих собраниях и молениях у башни.

2. Башня Фарниевых западная (верхняя). К счастью, она почти полностью сохранилась, и имперская армия в 1850 г. до получения охранного документа успела разрушить лишь ее малую часть сверху, но не восточную стену (Дзаттиаты 2002: 293—294), а северо-западный угол. Интерес представляют, помимо прочего, две полностью сохранившиеся небольшие хозяйственные пристройки с севера и с востока (откуда был вход в башню) в комплексе с самой башней (рис. 9: 1). На восточной пристройке, в ее юго-восточном углу, на восточной стене, гравирован крест (рис. 9: 2).

3. Склеп Фарниевых. Расположен рядом с западной башней фамилии, во дворе домовладения, и до сих пор находится в хорошем состоянии. Естественно, для нас имеет значение его лицевой, южный фасад шириной 3,2 м (рис. 9: 3). На нем представлена композиция из знаков на четырех разных участках (до сих пор был описан *только один* — находящийся слева у входного отверстия и прорисованный не совсем точно (Тменов 1995, рис. 54: 7; Дзаттиаты 2002: 179, 316, рис. 97: 2). Это наиболее крупный знак, который является не «черепашкой с 6 лапами» и т.п. (см. выше), а тамгой, вероятно — всей фамилии, причем по форме не из самых сложных (крест, вписанный в прямоугольник с овальным верхом, с серией коротких выступов по краям) (рис. 9: 4—5; 10: 5). Понятно, что этот знак имеет аналогии, причем именно на погребальных и поминальных памятниках. Близкий образец изображен (и также — у левого края отверстия склепа) в с. Згид на одном из склепов Цагараевых (Миллер 1925: 36—37, рис. 15; Яценко 2023: рис. 11: 3), а также на стеле из с. Долаково у аэропорта Беслан (Дзаурова 2019: 291). Однако граффити склепа не ограничивались единственным экземпляром, а образовывали продуманную композицию. Над тамгой во втором слое кладки (выше тонкой сланцевой плиты верхнего перекрытия), также на блоке красного «туфа»¹¹, но малого размера, посередине гравировна вертикальная линия (рис. 9: 7). На том же уровне кладки на крайних камнях фасада вырезано строго симметрично по аккуратному кресту одного размера (для них выбраны малые

¹⁰ Это Ф.Р. (Фарниев Р.) дважды, Ф.Г. и др., а также — с сокращениями отчеств (Ф.С.М., Ф.М.Н., Ф.Х.М. и др.).

¹¹ Геологическое определение горных пород для старых построек региона, увы, не производилось. Часто встречающаяся характеристика породы ряда плит как мягкого вулканического туфа неверна. Для перекрытий здесь часто использовали мягкие сланцы (в Брытатском и Рукском ущельях эти породы вообще господствуют в кладке); в других местах для важных сооружений нередко использовали более твердые породы.

прямоугольные блоки серого цвета) (рис. 9: 6, 8). В целом это отчасти напоминает уже отмеченный склеп в Згиде (где изображения выполнены красной краской): знак особой формы у левого края входного отверстия, наличие вертикальных линий, пары крестов по бокам (вписанных в круг или обычных).

Нижний Ерман

В его округе, как уже говорилось, размещались большинство святилищ этой группы из трех селений. Здесь жили четыре фамилии (не проживавшие выше: как местные — из соседнего Згубира, так и выходы из Тагаурского и Алагирского ущелий). Доминирующей тут была фамилия тагаурцев Тибилых (только они имели башни, причем две) (Сланов 2017: 17, 23, 42). Однако ни на одном из разнотипных зданий здесь никаких граффити нет. То же можно сказать и о соседних ущельях западнее — Брытат и Челиат.

Ходз

Это селение в небольшой высокогорной котловине недалеко от р. Каласанидон было заселено потомками переселенцев из Куртатинского общества — Тотровыми (из с. Даллагкау) и уже известными нам по Верхнему Ерману Джелиевыми. Здесь было единственное небольшое каменное здание святилища Уастырджи; остальные ритуальные объекты были столпообразными или ими были деревья (Сланов 2017: 16, 49). Среди жителей были и мастера по изготовлению сабель. Каждая из двух фамилий имела здесь по две башни, но сохранилось в сравнительно сносом состоянии по одной. Интересующий нас объект с граффити — башенный комплекс фамилии Тотровых, патронимии Гогоевых (на остальных объектах, кроме упомянутого креста на штукатурке внутри святилища Уастырджи, граффити отсутствуют).

1. Башня Тотровых и прилегающее жилое помещение. Собственно замки (галуан) в этом районе отсутствовали (Сланов 2017: 34), хотя Р.Г. Дзаттиаты и называл условно этот комплекс на отдельном холме галуаном. Он уже публиковался (Дзаттиаты 2002: 177—178, 293, рис. 21: 1—4). Комплекс состоял в позднее время из башни (она разобрана лишь в небольшой степени вверху северо-западного угла) и малой жилой пристройки длиной 8 м (снабженной, однако, навесными бойницами — машикулями) у северо-западной стены. Другая, гораздо большая пристройка, сохранилась хуже, находилась к востоку и состояла из двух одинаковых по размеру секций длиной по 26 м (рис. 11: 1, 7). Интересующие нас граффити располагались на 6 разных участках как на башне, так и на внутренних и наружных стенах малой пристройки. Две из них, со сложными композициями на небольших подпрямоугольных плитах, вызывают повышенный интерес; их зарисовки нуждаются в уточнениях, которые даны ниже (рис. 11: 8, a, d). Две других плиты (одна из которых, с «Мировым деревом» (?), находилась где-то внутри малой пристройки, а местонахождение другой не указано (рис. 11: 8, e—f)) не удалось разыскать, видимо — из-за постепенного разрушения кладки.

Прежде всего, при входе в башню (в которой есть единственная у осетин сохранившаяся на своем месте дверь, к тому же — в прекрасном состоянии (рис. 11: 2)), в правом нижнем углу гравирован крупный «крест»: на деле это свастика со слабо закругленными углами (рис. 11: 3). Православный крест небольшого размера со схематично намеченной внизу «Голгофой» аккуратно процарапан на красноватой корке сланцевого блока у южного угла башни (рис. 11: 4, 7b) и ранее не был известен. В юго-западную стену башни вделана небольшая плита, граффити на которой были переданы в публикации в целом неточно (см. новые фото и прорисовку: рис. 11: 5, 7a, 8a). Композиция эта явно весьма поздняя, т.к. на ней изображен вверху пистолет довольно поздней модели (в публикации этой плиты о нем ничего не говорится). Под ним представлен сложный солярный знак в виде креста в круге, с «ногами» по бокам. В центральной части и левее, ниже, видим 4 полуовала (от двух из них

вправо исходят по одному «лучу») и один ромбик с тремя лучами вправо. Наконец, слева под пистолетом гравирована небольшая простая тамга того типа, который был распространен в прошлом у многих народов Евразии. У внутреннего (юго-восточного) входа в малую жилую пристройку, справа у нижнего основания дверного проема, размещена вторая небольшая подпрямоугольная плита со сложной композицией (рис. 11: 6, 7d, 8d). На обеих плитах основные объекты (пистолет, всадник, «катящееся» солнце) обращены вправо, присутствует крупное солярное изображение. Обе они также сделаны из очень мягкого камня. Вторая плита тоже была опубликована с рядом неточностей. Всадник передан очень схематично; наиболее датализирована лошадь с ее хвостом, копытами и поводом. Мы пока не решаемся, вслед за Р.Г. Дзатиаты, видеть в нем самого Уастырджи, хотя его святилище и было главным культовым объектом селения. Показательно само обилие изображений: на двух стенах башни, при входе и внутри пристроенного к ней маленького жилого строения. Сам набор сюжетов на пристройке отчасти совпадает с тем, который был нанесен красной краской на одной внутренней, дворовой стене дома в с. Ахсау в Стур-Дигорском обществе (люди, схематичные Деревья, кисти рук, а также «змея»). Эту старую, истертую композицию хозяева берегли: вдоль нее был навес (Миллер 1925: 37). Основные названные граффити выбиты или вырезаны разными инструментами и в разной манере: свастика у входного проема — чем-то вроде долота, оставившего не очень ровную линию; крест с «Голгофой» — очень неглубоко, мелким пуансоном; на обеих плитах с многофигурными композициями последние не выбивались, как обычно, а вырезались ножом с довольно толстым лезвием. Кроме граффити, где-то в пристройке на глиняной обмазке стен был сделан отпечаток кисти руки (в отличие от выбитых в камне изображений)¹².

Едыс

Это селение также расположено на речке Кадласанидон, и оно считалось крупным; в советское время его тоже не зря сделали центром Урстуалгома. В нем жили 11 фамилий очень пестрого происхождения: из Тагаурского общества (Бегизовы, Дзесовы, Макиевы, Дзукаевы; две последних затем переселились в Челиат), из Цимитинского общества в Куртатинском ущелье (Хамицаевы, Басаевы), из Алагирского ущелья (Гугкаевы), из Нарской котловины (Мамиевы), из Дигории, затем соседнего Верхнего Сба (Абаевы); еще две фамилии (Кобеевы, Албеговы) вымерли, и их происхождение в Едысе неясно¹³. Здесь имеются три святилища, посвященные громовежцу Уацилле.

1. Башня Кобеевых. Несмотря на обилие проживавших фамилий, только у трех из них документированы башни: две из них (Бегизовых и Албеговы) здесь известны лишь по устной информации. Это, видимо, объясняется тем, что часть фамилий появилась здесь в довольно поздние времена. Третья башня (Кобеевых, перебитых кровниками Албеговыми, которые сами затем здесь вымерли) сохранилась, стоит на склоне горы над селением, в густом лесу (Сланов 2017: 16, 42), но нам в 2023 г. не удалось в последний день экспедиции быстро найти ее. Эта единственная уцелевшая башня, с полукруглой спинкой, имела пристроенные и

¹² *Отпечаток* ладони конкретного человека на стене построек имеет немало аналогий в иранском мире, и он всегда считался *значимым оберегом*. В Осетии отпечатки ладони (до 6 на фасадной стене, и правых и левых) известны на полуподземных склепах и в основном — именно в Куртатинском ущелье (из которого переселились Тотровы), особенно в с. Лац. Здесь их ставили мастера при окончании работы (Кокиев 1928: 9, 21—22). Позже В.Х. Тменов нашел несколько таких отпечатков и в начале своих исследований на склепах в с. Даргавс (Тагаурское общество) (Тменов 1969: 142). У памирцев женщины под Новый Год (Новруз) делали на стенах своих домов отпечатки ладоней (Бобринский 1908: 74). Памирцы также наносили их на опорные столбы дома (Мухиддинов 1989: 22—23). У соседних горных таджков строитель здания оставлял на стенной штукатурке отпечаток своей руки (Писарчик 1976: 192, прим. 165). По всему Ирану еще в XIX в. на разных зданиях можно было видеть отпечатки красным правой руки (Heindi 1927: 39). Благодарю за информацию К.Ю. Рахно.

¹³ Фамилия Албеговых — крупная, и ее члены рано расселились в разных частях Осетии — ущельях Куртатинском, Тагаурском, Уаллагкоме. В с. Едыс ее представители вымерли от эпидемии.

плохо сохранившиеся жилые помещения (Дзаттиаты 2002: 292, рис. 20: 5—8). Она была взорвана в восточной части, где и была полукруглая спинка. На башне много граффити, весьма однообразных — не менее 15 вертикальных крестов и 3 вертикальных полосы. Они располагались, в основном, на западной, входной стене (вокруг дверного проема и у левого угла), отчасти — на северной стене (рис. 12: 6).

2. Ганах фамилии Бегизовых. Не описанный ранее объект с граффити выявлен нами в центральной части селения. Это остатки укрепленного дома (ганаха) фамилии Бегизовых, происходивших из Тагаурии. Сохранились от него по периметру нижние части стен (рис. 12: 1, 3). На северо-восточном углу его восточной стены высечен крест (рис. 12: 2). Интересна композиция, гравированная на юго-восточном углу южной стены (рис. 12: 4, 5). Здесь высечена аккуратная надпись: «1919 г.». Ниже изображена явно тамга хозяина, одного из Бегизовых (этот знак был поновлен краской). Правее представлены инициалы другого человека «Т.А.». Из всех живших на тот момент в селении людей для них подходит только кто-то из местных Абаевых (фамилии на «Т» здесь отсутствуют). Важна и сама дата: 1919 г. Это был сложный период: как раз между двумя восстаниями местных осетин против меньшевистского правительства Грузии в 1918 и 1920 гг. произошло еще одно такое восстание осенью 1919 г. В этой надписи, возможно, отражено какое-то местное событие, связанное с ним. Крест, тамга и надпись выбиты аккуратно долотом, оставлявшим глубокую, ровную линию.

Подводя один из итогов исследованию граффити восточной зоны (Урстуалгома), *остановимся на знаках типа тамг.* Не только там, но и во всей Южной Осетии, серия тамг в одном селении (и тем более — на одной постройке: это всегда башни) связана лишь с двумя соседними селениями восточной части Туалгома, в урочище Ерман — Верхним и Средним. Единичные тамги встречены, кроме обоих названных пунктов, в двух селениях, примыкающих к северу — Ходзе и Едысе (рис. 13). Поскольку фамильная (и часто — патронимная) принадлежность башен известна, фонд идентифицированных осетинских тамг пополнился 16 новыми типами. Эти, ранее не выявленные тамги связаны, прежде всего, с выходцами из Куртатинского общества (Джелиевы, Фарниевы, Тотровы), единичные — из Тагаурского (Бегизовы), одной из местных фамилий (Короевы), а также — Кубилаевых, чье происхождение неясно. В результате мы восстанавливаем их фамильную наследственную эмблематику. В тех случаях, когда на одном объекте их несколько (4 или 5), речь, видимо, идет о нескольких патронимиях одной фамилии (гораздо менее вероятны в единичных случаях также близкородственные фамилии — *æрвадæлтæ*), которые участвовали в строительстве, но особенно — в ритуалах, проводившихся затем у башни. Можно думать, что башни с 4—5 тамгами, помимо прочих граффити — это упоминавшиеся *башни-святнищица*, о которых наша информация весьма скудна. Одиночные же тамги встречены не только на башнях (Кубилаевых и Джелиевых верхней в Верхнем Ермане, Тотровых в Ходзе), но и на укрепленных домах (Едыс) и полуподземных склепах (Средний Ерман).

Рассмотрим теперь *единичные граффити с одной небольшой фигурой*, документированные в разных частях изучаемого региона. Как правило, это уже неоднократно упоминавшийся «вертикальный» крест-оберег размером около 10 см.

Рук

Группа селений Рук (груз. Рокъа) включает, среди прочего, 18 башен (14 башен удовлетворительной сохранности, 3—5 баллов; в Среднем Руке башен таких башен 7, в Верхнем — 5, в Нижнем — 2) и является самым «башенным» в зоне проживания осетин (для сравнения: в наиболее выдающихся в этом плане селениях на Севере в Тибе — 15 башен, в Лисри, Даргавсе и Джимаре — по 13) (Сланов 2017: 21, 32). Башни здесь (как и во многих других пунктах) сделаны из плит довольно мягкого и хрупкого сланца.

Средний Рук (с. Есета). В 4 малых селениях Среднего Рука проживали в целом три фамилии местного происхождения (Плиевы — 5 башен, Дзерановы — 3 башни, Комаевы —

1 башня). Здесь находились 10 святилищ — подавляющее большинство из имеющихся на р. Рукдон. В одной из двух лучших по сохранности башен Плиевых в нижнем с. Есета (она разрушена лишь в самом верху южной стены; имеет две хозяйственных пристройки к западу и к северу) (рис. 14: 1) на южной же стене низко нанесены на довольно большом расстоянии друг от друга два «вертикальных» креста (рис. 14: 2) (левый из них аккуратно выбит, правый — не менее аккуратно вырезан широким лезвием ножа). На соседней башне южнее ее (Дзерановых?), которая сохранилась гораздо хуже (взорвана вся южная стена, но сильно пострадали и смежные) внизу уцелевшей части западной стены выбита мелкими точечными ударами *кисть правой руки* (рис. 14: 1—2). Некоторые части изображения (основание кисти и мизинец) не окончены, а едва намечены. Перечисленные граффити ранее не регистрировались.

Верхний Сба

В этом селении проживали только Абаевы (выходцы из с. Кора в Дигории). В полуподземном фамильном склепе выше входного отверстия высечена *кисть правой руки*. Р.Г. Дзаттиаты полагает, что это мастер, строивший склеп, хотел изобразить именно собственную руку по аналогии с их *отпечатками* (см. прим. 12) (Дзаттиаты 2002: 179, рис. 97: 3) (рис. 14: 9). Однако широкая распространенность такого сюжета по всему миру (включая палеолитическую живопись пещер Франции, искусство аборигенов Австралии и т.п.), в том числе в мировых религиях (ладонь Будды, рука Фатимы, Али и др.) делает такой вывод сомнительным. Из-за паводка мы в 2023 г. попасть в данное селение не смогли, и уточнить, как было гравировано это изображение, не удалось.

Средний Сба

Здесь жили Приевы и Бакаевы (фамилии местного происхождения), имевшие по одной башне. В башне Приевых с округлой спинкой, стоявшей на небольшом холме (рис. 14: 5), в середине южной стены представлен небольшой крест, нанесенный лезвием ножа (рис. 14: 6). Ранее не известен.

Галуата

Здесь жили только Галуаевы — выходцы из Цимитинского общества в Куртатинском ущелье. Южная из двух их башен (с округлой спинкой, разрушена с юго-западного угла) использовалась, среди прочего, как *фамильное святилище* (рис. 14: 7). В ней высоко на краю разрушенного угла с южной стороны балансирует выступающая плита с «вертикальным» крестом (рис. 14: 8). Крест аккуратно выбит пуансоном. Ранее не известен.

Интересен для нашей темы также материал, сообщенный Ю.М. Бетеевым и дополненный присланными им фото, из смежной части Южной Осетии — **селения Баджин в Дзимиырском ущелье**, в самых верховьях притока Куры — р. Ксани / Чисандон, на ее правом берегу (Дзимиырское общество, где преобладали однофамильные селения, а жители происходили, в основном, из северных Куртатинского и Тагаурского обществ). В нем достоверно проживали три фамилии: Битаровы, Дзебиевы и Бедоевы (Сланов 2017: 151). Сегодня в эти места можно с затруднениями добраться лишь пешком через горы.

Здесь у входного проема *в башню Битаровых*, в его нижнем углу, высечены рядом (на одной плите) два изображения: правая кисть руки и (ближе к краю проема) — двулезвийная секира (*labrys*) (рис. 14: 10). Как известно, этот древний символ (священный атрибут еще в криито-микенской культуре бронзового века) у древних эллинов изображался как почти неприменный атрибут мифических воинственных амазонок. Однако кочевникам

центральноазиатского происхождения (сарматам низовьев Дона рубежа II—III вв. н.э. — Высочино V, курган 16: юэчжам Бактрии середины I в. н.э. — Тилля-тепе, могила 2) эта греческая символика лабриса после походов Александра Великого была тоже неплохо известна. Поэтому в названных комплексах знатные женщины-воины с боевым топориком украшали края своих одежд золотыми бляшками в виде двойной секиры (Yatsenko 2019: fig. 9: 9, 16: 3—4). Для тамгового фонда народов Кавказа это редчайший сюжет, однако близкая форма лабриса была тамгой карачаевской фамилии Айсандыровых (Лавров 1978: Приложение, № 1058).

Итак, в ходе осмотров уже известных и неоднократно описанных построек в верховьях Большой Лиахвы наши ожидания в отношении обнаружения новых граффити и существенного уточнения опубликованных оправдались. Важной особенностью ситуации является то, что практически для каждого строения мы имеем информацию о его хозяевах и нередко кое-что об обстоятельствах их жизни. Ранее были опубликованы некоторые изображения на 8 разных постройках, часто — неточно и не в полном объеме (ср. Дзаттиаты 2002: рис. 20—25; 97: 2—3). Более пристальное внимание к выявлению граффити (которых в этой местности известно очень мало) привело к тому, что, во-первых, они выявлены нами теперь уже на 14 постройках; во-вторых, *обнаружены 32 новых изображения в 6 населенных пунктах*. Среди них солярных знаков (крестовы, свастик), кистей руки, линий найдено 19 в 5 селениях¹⁴. Круг сюжетных изображений на граффити в Южной Осетии (кроме солярной символики) явно связан с мужской воинской субкультурой (одиночные конь или всадник, лук со стрелой, кинжалы в с. Лет, на плите из Ходза — редкий тогда пистолет).

Больше всего в нашем регионе, как и в других районах, «вертикальных» крестов. Как они обычно размещались? В большинстве случаев их расположение вполне наглядно демонстрирует их функцию оберега. Так, на склепе Фарниевых они маркируют углы лицевой стороны. На углах по сторонам входа они вырезаны и на нижней башне тех же Фарниевых. На башне Короевых они размещены по сторонам тамги хозяев над входом. (Над входом же гравирован и одиночный крест нижней башни Джелиевых в том же селении). Группа из 10 крестов окружала полукругом дверной проем башни Кобеевых (это, впрочем, не спасло их всех от гибели). В центре входного «порога» изображен такой крест в башне Кубилаевых. Характерно и «удовоение» эффекта: пара крестов рядом на южной стене башни в Среднем Руке, на одной плите на нижней башне Фарниевых. Иногда единичный крест как бы охраняет дальний угол пристройки к башне: ганаха Бегизовых, комплекса у верхней башни Фарниевых.

«Косые» кресты встречены очень редко, и размещались они иначе. В обоих известных случаях такой крест располагался в нижнем основании дверного проема башни (Кубилаевых, Тотровых). Более сложные солярные знаки («классическая» свастика и таковая без мелких деталей, солнце, окруженное лучами) размещены в Урстуалгоме у входного проема в башни (Верний Ерман, Ходз) или жилую пристройку к башне (Ходз). Первый вариант знака мы видим у Короевых (над входом справа), второй у Кубилаевых — внизу него слева, третий у Тотровых — над входом справа. Оба известных изображения *идушей лошади в профиль* (со всадником и без него) связаны с фамилиями куртатинского происхождения — Джелиевыми (нижняя башня) и Тотровыми. В обоих случаях они гравированы низко, при этом — на углах построек. *Вертикальные и горизонтальные линии* встречены всегда не сами по себе, а в сочетании с другими изображениями, в единой горизонтальной композиции (чаще на одной плите): с «вертикальными» крестами (башня Кобеевых, склеп Фарниевых), с крестами же, свастикой и луком со стрелой (башня Кубилаевых). *Стилизованное изображение лука со стрелой* (у многих народов считавшееся надежным оберегом) представлено в ряду других фигур у дверного проема в упомянутую башню Кубилаевых (у входного отверстия оно нанесено краской и на склепе Цагараевых в Згиде). *Кисть правой руки* — также редкий сюжет в регионе. В одном случае она нанесена у входного отверстия склепа Абаевых (ср.

¹⁴ В Верхнем Ермане, на башнях: Короевых — 1, Джелиевых верхней — 1, Джелиевых нижней — 3, Кубилаевых — 2. В Среднем Ермане: башня Фарниевых нижняя — 2, верхняя — 1, склеп Фарниевых — 3. Ходз, комплекс Тотровых — 1. Средний Рук — 3. Средний Сба — 1. Галуата — 1.

сходное размещение у входного проема башни Битаровых в Дзимарском ущелье); на башне в Среднем Руке она выбита низко в центре стены (возможно — также под не сохранившимся входом этого сильно разрушенного строения). В Северной Осетии известны примеры симметричного размещения двух рук (соответственно — левой и правой) в росписи красной краской на склепе (с. Галиат, где верх входного отверстия оформлен наподобие солнца с лучами, вероятно — т.н. Солнца мертвых, ниже его по сторонам представлены кисти рук, а далее к краям — по кресту) (Миллер 1925: 36, рис. 16).

Для понимания *локальной специфики* изображений верховьев Большой Лиахвы важно учесть, какие образы и композиции, известные в других осетинских землях, здесь *отсутствовали*. Здесь нет композиций с несколькими антропоморфными персонажами, одиночных человеческих фигур (в том числе — с расставленными руками и ногами), нет изображений диких и домашних животных (коз, собак и др.), кроме лошадей, лабиринтов, прямоугольных игральные досок со сложным изображением внутри (ср. Тменов 1995: рис. 75: 6, 76—77, 80: 5, 82; Дзаттиаты 2002: рис. 5: 4). Если не считать самых популярных *солярных* мотивов (крестов, свастик и т.п.), то образы в граффити Урстуалгома, разумеется, соответствуют реалиям *мужской воинской субкультуры* (всадник, конь, схематичный лук со стрелой, пистолет).

Наиболее интересным открытием 2023 г. можно считать серию из 13 неизвестных тамг в 4 селениях (вместо двух, отмеченных ранее на нижней башне Джелиевых в Верхнем Ермане)¹⁵; еще 3 знака интерпретированы как тамги при новом рассмотрении материала¹⁶. Тем самым, выявлен небольшой мирок патрионимических (linige) и фамильных (clan) эмблем, во многом относящихся к выходцам из Куратинского ущелья¹⁷. Значим, конечно, не только этот факт сам по себе, но и то, как эти identity marks размещены в пространстве и в каком социальном и вероятном культовом контексте. На трех башнях в Верхнем и Среднем Ермане скопления из 4—5 тамг, помимо других граффити, на всех уцелевших углах / стенах позволяют предполагать функционирование этих построек в качестве *башен-святилиц* фамилий Джелиевых, Короевых и Фарниевых (хотя этнографическая информация об этом неполна). Интересна упомянутая композиция над входом в башню Короевых, где тамгу окружают два креста, а под нею размещена свастика. Если тамга высекалась рядом с датой о важном событии и с инициалами, то все три элемента размещались на одной плите (верхняя башня Джелиевых, ганах Бегизовых). Выше назывались три варианта размещения парных соседних тамг на башнях: в ряд, одна над другой, на одном камне по обе стороны угла. Пары близких по форме знаков (рис. 7: 6 и 7, 4 и 11; 10: 1, 4) известны на изображениях либо на одной башне (нижние у Джелиевых и Фарниевых), либо в пределах одного небольшого селения (Верхний Ерман) и, похоже, представляют родственные патронимии. Немаловажно и документированное нами *активное употребление тамг в первые годы после падения российской монархии* (композиции с датой и тамгой в Верхнем Ермане на башне Джелиевых, в Едысе — на ганах Бегизовых), причем явно в контексте групповых действий, связанных с военными столкновениями и миграциями населения.

Обилие граффити на постройках связано, как уже отмечалось, *с наличием переселенцев из северного Куратинского ущелья*¹⁸, как в двух селениях Ермана, так и в с. Ходз и Едыс

¹⁵ В Верхнем Ермане, на башнях: Короевых — 3, Джелиевых верхней — 1, Джелиевых нижней — 2, Кубилаевых — 1. В Среднем Ермане: башня Фарниевых нижняя — 3. Ходз, комплекс Тотровых — 1. Едыс, комплекс Бегизовых — 1. Здесь названы только тамги среди новых, впервые описанных изображений.

¹⁶ На башне Короевых — 1, на башне Фарниевых нижней — 1, на склепе Фарниевых — 1.

¹⁷ Один из соавторов в только что опубликованной статье писал: «... я хотел бы обратить на значение осетинских тамг как историко-культурного источника, который, увы, пока серьезно недооценивается современными учеными (их, можно сказать, во многих случаях просто не видят в упор на старых постройках)» (Яценко 2023: 456).

¹⁸ *Куратинское общество (Куыртаты ахсенад)* в долине р. Фиагдон, как считается, основано Курта (потомком аланского царя Ос-Багатара); его могила находится в с. Даллагкау. Для этого общества характерно наличие к середине XIX в. 56 «благородных» по происхождению фамилий *куртатов* или таубиев, и в них было в среднем по три патронимии. Помимо происхождения от Курта, регулярных «равных» браков со знатью

(Сланов 2017: 17). Однако парадокс в том, что даже у наиболее влиятельных фамилий в самом Куртатинском обществе на таких объектах, вроде бы, нет тамг (на сегодня идентифицированы, благодаря информации старых осетинских эмигрантов-мухаджиров в Турции, тамги лишь трех тамошних фамилий — Цаликовых, Созановых и Есиевых) (Марзоев 2021).

Наличие на двух башнях в Верхнем Ермане (Джелиевых нижней и Короевых) и одной в Среднем Ермане (Фарниевых нижней) разнотипных граффити, и среди них — по 4—5 весьма аккуратно гравированных тамг, демонстрирует особое их значение в сельском сообществе Ермана. Нанесение, помимо обычных крестов и / или свастик, фигуры лошади, также и серий тамг в этих селениях свидетельствует в пользу участия в ее строительстве и более вероятно — в культовом использовании представителями нескольких патронимий обеих этих фамилий. При этом могла высекаться и общефамильная тамга (Яценко 2023: 451, 453). В этом случае немалая разница в формах знаков не должна нас смущать: у одной и той же фамилии при разделении на патронимии знаки последних подчас сильно различались (как у Кусовых в Тагаурском ущелье или Тугановых — в Дигорском) (Марзоев 2021). В двух случаях из трех это явно башни самых влиятельных фамилий обоих селений, куртатинского происхождения, имевших по две башни и, видимо, склеп, отличавшийся от прочих по виду или его размещению. Ситуация эта для Южной Осетии уникальная. Возникает вопрос: с чем она связана? Как раз для Ермана мы имеем достоверную информацию о наличии здесь *башен-святилиц* (*дзуар масыг*). Правда, какие конкретно башни для этого использовались, неизвестно (Чибиров 2020: 103—104; Сланов 2017: 21, 35, 49—50, 92). В таких башнях, среди прочего, хранили культовые атрибуты, в стенах могли поместить серебряные монеты. Как минимум, под Новый Год здесь проводили совместные *фамильные* празднования и моления; у них также молились «хозяевам» дальних дзуаров. У нас маловато сведений о функционировании таких святилиц. Однако, думается, материалы экспедиции 2023 г. их отчасти конкретизируют и дополняют. Судя по с. Галуата, *серии* граффити на таких башнях были особенностью именно урочища Ерман, и в других случаях дело могло ограничиваться единичной фигурой.

Возникает вопрос: *как вписываются полученные сведения по верховьям Лиахвы в ту специфику нанесения и круга образов граффити, которую мы можем наблюдать у предков осетин (сарматов и средневековых аланов) и у народов «кавказского культурного мира» в XVII—XVIII — начале XX вв.?* Кратко (насколько позволяет объем статьи) на него можно ответить просто: в этой традиции *есть преемственность от античности до начала XX в.* Ее не стоит ни преувеличивать, ни игнорировать. Если мы сравним материалы поздних граффити верховьев Лиахвы с теми, что известны в контактной греко-сарматской и скифо-сарматской зонах на Боспоре (в древних городах Пантикапей, Танаис, Илурад) и в Центральном Крыму (Неаполь Скифский, Заветное и др.), в Ольвии, а также со средневековыми аланскими, известными в ряде крепостей, склепов, пещер и др. в Предкавказье и в верховьях Дона, то близость традиции обнаружить нетрудно. Во-первых, это *совпадение части сюжетов* (лошади, всадник, некоторые типы солярных знаков, тамги; к ним позже добавились популярные в кавказских петроглифах кисть руки, изображение натянутого лука со стрелой). Вероятно, принятие христианства Аланией в начале X в. в качестве государственной религии и очень длительное соседство с христианской Грузией дополнительно и своеобразно повлияли на широту использования таких древних солярных символов-оберегов, как простые кресты. Во-вторых, это *частичное совпадение мест нанесения* (у входа в строения, как у южных ворот в Танаисе; вероятно, это относилось и к мраморным львам, найденным в XIX в. кургане под Ольвией, и к «писаной плите» 1871 г. из

Дигории, наличия зависимых крестьянских семей, фамилии таубиев аргументировали свое благородное происхождение перед российской администрацией и *наличием у всех них башен*. Однако имперская власть вплоть до своего падения не спешила приравнивать их ко дворянству (Марзоев 2022: 33, 39). Понятно, что у переселенцев в Южную Осетию влияние этих семейств в новых условиях и новом окружении не могло сохраниться в прежнем объеме тем более, что наиболее «именитые» семьи оставались на Севере.

Пантикапея; у входа в погребальные склепы, как на окраинах Пантикапея, в Илурате и ряде раннесредневековых аланских комплексов Карачаево-Черкесии; на башнях, как в хазаро-аланских крепостях верховьев Дона). Что касается башен, то античным и раннесредневековым их образцам, увы, не повезло: их кладки усиленно разбирали на камень в более поздние времена. Надо учесть также *разницу в материалах*, которые использовались для строительства в разных регионах: так, в античном Северном Причерноморье часто использовали неогеоновые известняки т.н. сарматского яруса, в верховьях Дона при хазарах — мягкий мергель и т.п. Эта разница определяла инструменты, удобные для нанесения граффити (на памятниках римского времени с сарматским присутствием и на стенах верхнедонских крепостей было достаточно ножей с довольно узким лезвием, и более трудоемкая выбивка не требовалась; к тому же в хороших ножах дефицита явно не было).

Наш заметки о бытовании граффити на традиционных поздних постройках одного из заселенных осетинами районов позволяют задуматься над некоторыми вопросами развития традиционных граффити, их преемственности от более ранних культур и их локальной специфике.

Приложение

Здесь мы кратко рассмотрим три не опубликованных комплекса с фамильными и патронимными тамгами *из Северной Осетии*, как небольшое дополнение к статье одного из соавторов (Яценко 2023: 454). Первый сюжет связан с замком (*галуан*) Дори Тедеева (рис. 15: 2) **в селении Уелга** Туальского общества (Мамисонское ущелье) (рис. 15: 1). У нас ранее не было возможности из-за объема статьи привести иллюстративный материал по нему, и пришлось ограничиться кратким текстом. В этом селении проживали Тедеевы и Кадзоевы. Можно думать, что основная тамга фамилии Тедеевых здесь повторена дважды (рис. 15: 3, вверху) (Яценко 2023: рис. 14: 6: 1) — у основания южной из башен и на втором этаже жилого дома. Другая тамга (рис. 15: 4) (рис. 14: 6, № 2) гравирована на противоположной стороне той же, неплохо сохранившейся башни, правее верхней части ее дверного проема. Это, видимо, знаки патронимий фамилии Тедеевых. Кроме тамг, здесь представлены на отдельных плитах «вертикальные» кресты — одиночный, по два (рис. 15: 3, внизу) и по четыре экземпляра (рис. 15: 5) в ряд. Увы, их размещение в комплексе в основном не уточнено. Граффити сделаны весьма аккуратно инструментом, оставляющим серию маленьких, точечных следов. Основная информация и фото любезно предоставлены М.А. Цагараевым.

Еще один сюжет связан с башней **в селении Луар** на р. Архон (Алагирское общество). Это селение почти изначально было заселено практически одной фамилией Цогоевых. Однако в ранний период основания селения, по легенде — до ссоры Цогоя с братьями Албором и Кадзом, основатели селения (предки Цогоевых, Алборовых и Кадзаевых) вместе построили замок-галуан на скальном гребне в т.н. Верхнем Луаре. Это случилось, вероятно, в XV в. Позже галуан разобрали, и от него осталась башня. На ее входном западном фасаде наверху (на уровне предпоследнего 4-го этажа) были размещены по обе стороны от окна (и это редчайший случай) две одинаковых крупных, высотой около 1,5 м высотой, тамги (рис. 15: 6). Они были запланированы изначально при строительстве башни, т.к. представляли собой углубленные линии в кладке; таким образом, здесь есть лишь одна тамга — одного из братьев. Увы, нет информации, был ли оставшийся в Луаре Цогой старшим или младшим (наследующим) из них. У входа в башню по краям были нарисованы красной краской на неплохо сохранившейся штукатурке еще два одинаковых знака из трех кружков (диаметром 8—10 см каждый), два из которых расположены внизу, а третий — посередине над ними, образуя треугольник (вдоль внешнего края арки между этими фигурами на штукатурке же располагалась «радуга» из трех параллельных дуг) (рис. 15: 7). По словам одного из стариков, эта фигура («три кружка, связанные вместе») была раньше и клеймом

для скота в селении, то есть была тамгой. Эта же фигура изображена в святилище Саниба в недалеком с. Архон, откуда происходили основатели Луара.

Возникшее вскоре ниже галуана селение Нижний Луар (покинутое, в основном, после сильного землетрясения 1922 г.) имело ранее планировку, близкую к неправильному овалу. Его единый контур образовывали ограды и здания отдельных домовладений, между которыми были, естественно, переулки. В центре селения, по словам стариков, была площадь, куда загоняли скот. В селении были 5 башен разных патронимий Цогоевых, вокруг которых группировались жилые комплексы. Основная информация и рисунки любезно предоставлены Б.Т. Цогоевым.

Третий сюжет — изображение **на ганaxe Кануковых** (дом Османа Канукова) **в с. Верхний Кобан** (Тагаурское общество). Здесь при входе снаружи, справа на арке гравировано изображение уникальной 8-лучевой свастики. Именно уникальность ее формы делает маловероятной ее трактовку как чисто солярного знака; скорее это тамга одной из патронимий Кануковых (рис. 15: 8): известная ним базовая тамга фамилии — совсем иная (Марзоев 2021). Под знаком написано «тага» (в данном случае — потомок Тага; они образовывали местную элиту). Основная информация и рисунок также предоставлены Б.Т. Цогоевым.

Литература

- Бобринский А.А. 1908. *Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы)*. Москва: Типография А.Л. Левинсона.
- Гутнов Ф.Х. 2019. *Осетинские фамилии*. 3-е изд. Владикавказ: Респект.
- Дзаттиаты Р.Г. 2002. *Культура позднесредневековой Осетии*. Владикавказ: Ир.
- Дзаурова Т.А. 2019. *Ингушский национальный орнамент*. Москва: Де' Либри.
- Кисляков Н.А., Писарчик А.К. (ред.). 1976. *Таджикки Каратегина и Дарваза*, 3. Душанбе: Дониш.
- Кокиев Г.А., 1928. *Склеповые сооружения горной Осетии. Историко-этнографический очерк*. Владикавказ: Осетинский НИИ краеведения.
- Лавров Л.И. 1978. *Историко-этнографические очерки Кавказа*. Ленинград: Наука.
- Маргиев И.Т. 2018. *Ирыстонь кæмтты ивгъуыдæй. 2-æг хай (Из истории ущелий Осетии. 2-е изд.)*. Цхинвал: Глобус.
- Марзоев И.-Б.Т. 2021. Дамгъæ. Канукова З.В. (ред.). *Алания от А до Я*. Владикавказ: Проект-Пресс, 118—122.
- Марзоев И.-Б.Т., 2022. Привилегированные фамилии Куртатинского общества Северной Осетии в документах и материалах. *Известия СОИГСИ* 43 (82), 30—40.
- Миллер А.А. 1925. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Академии в 1923 г. *Известия РАИМК IV*, 1—42.
- Муриддинов И.М. 1989. *Реликты доисламских обычаев и обрядов у земледельцев Западного Памира (XIX — начало XX вв.)*, 1. Душанбе: Дониш.
- Сланов А.А. 2017. *Исторические области Южной Осетии*. Владикавказ: ИПП им. В.А. Гассиева.
- Тменов В.Х. 1969. Археологическое исследование «Города мертвых» у сел. Даргавс в 1967 году. *Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии II*, 138—158.
- Тменов В.Х. 1988. Памятники средневекового изобразительного искусства Трусовского ущелья. В: Кузнецов В.А. (ред.). *Методика и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа*. Орджоникидзе: СО НИИ, 137—149.
- Тменов В.Х. 1995. *Зодчество средневековой Осетии*. Владикавказ: РИПП им. В.А. Гассиева.
- Цховребов И.Н. (сост.). 1962. *История Осетии в документах и материалах*. Т. 1. Цхинвали: Госиздат Юго-Осетии.
- Чибиров Л.А. 2020. *Поселения и жилища осетин*. Владикавказ: Ир.
- Щеблыкин И.П. 1928. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры. *Известия Ингушского НИИ краеведения* 1, 3—30.
- Яценко С.А. 2023. О некоторых группах осетинских и аланских тамг. *Из истории культуры народов Северного Кавказа* 16, 436—468.
- Heindi R. 1927. *System und Praxis der Daktyloskopie und der sonstigen technischen Methoden der Kriminalpolizei*. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter & Co.

Yatsenko S.A. 2019. On Planigraphy of the Early Nomadic Steppe Necropolises with the Series of Women-Warriors. *Global Journal of Archaeology and Anthropology* 8 (4), 555—742.

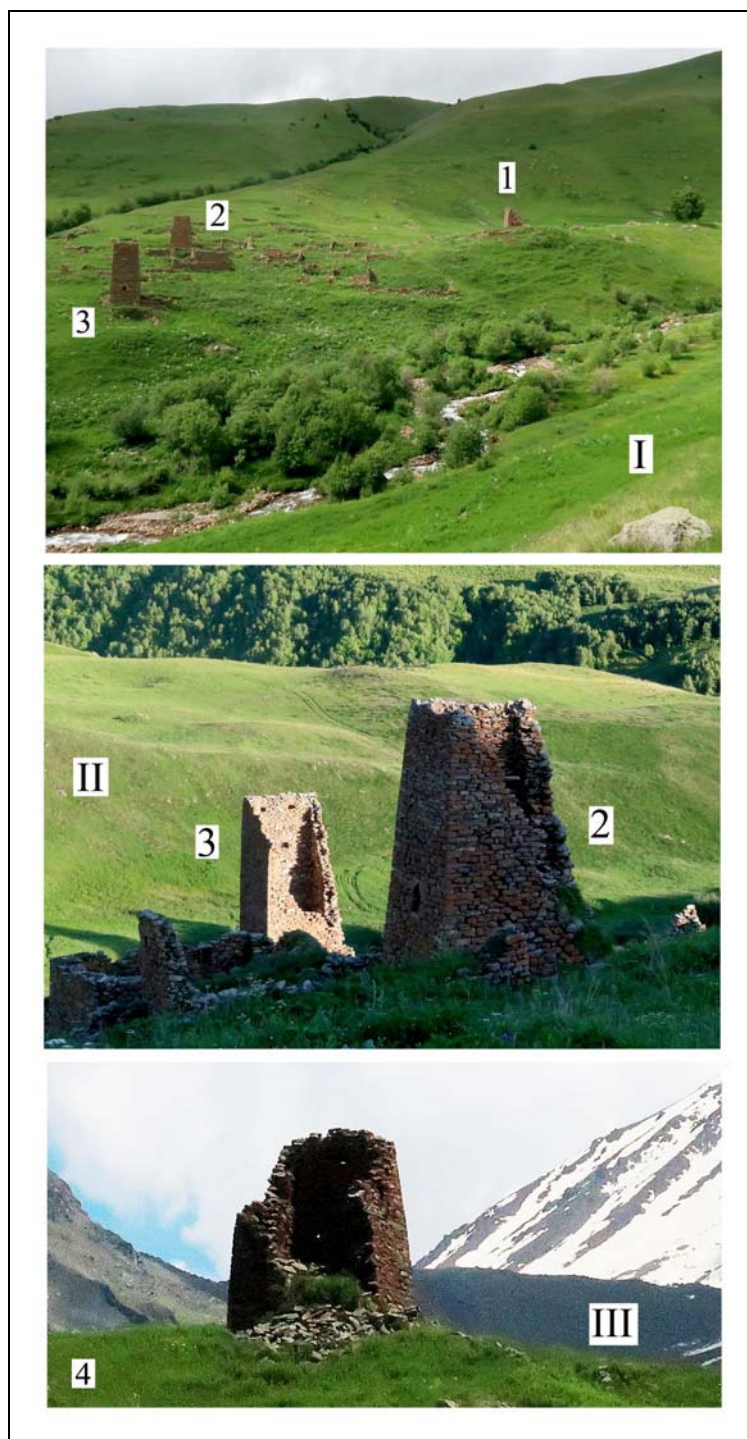
References

- Bobrinsky, A.A. 1908. *Gortsy verkhoviev Pianja (vakhantsy i ishkashimtsy) (Mountainers of the Upper Pyanj River (Vakhan and Ishkashim Peoples))*. Moscow: A.L. Levinson Typography. (in Russian).
- Gutnov, F.Kh. 2019. *Osetinskie familii (The Ossetian Clans)*. 3rd ed. Vladikavkaz: Respekt (in Russian).
- Dzattiaty, R.G. 2002. *Kul'tura pozdnesrednevekovoi Osetii (The Culture of Late Medieval Ossetia)*. Vladikavkaz: Ir (in Russian).
- Dzaurova, T.A. 2019. *Ingushskii natsional'nyi ornament (Ingush National Ornamentic)*. Moscow: De' Libri (in Russian).
- Heindi, R. 1927. *System und Praxis der Daktyloskopie und der sonstigen technischen Methoden der Kriminalpolizei*. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter & Co.
- Kisliakov, N.A., Pisarchik, A.K. (eds.). 1976. *Tadzhiki Karategina i Darvaza (Tadjiks of Karatigin and Darvaz)*. Dushanbe: Donish. (in Russian).
- Kokiev, G.A. 1928. *Sklepovye sooruzheniia gornoi Osetii. Istoriki-kraevedcheskii ocherk (Crypts of Msuntain Ossetia. The Historical and Regional Essay)*. Vladikavkaz: Osetinskii institut kraevedeniia. (in Russian).
- Lavrov, L.I. 1978. *Istoriko-etnographicheskie ocherki Kavkaza (The Historical and Ethnological Essays on Caucasus)*. Leningrad: Nauka (in Russian).
- Margiev, I.T. 2018. *Irysony kamty ivguydai. 2-ag hai (On the History of the Gorges of Ossetia. The 2nd ed.)*. Tskhinval: Globus (in Ossetian).
- Marzoev, I.-B.T. 2021. In: Kanukova, Z.V. (ed.). *Alania ot A do Ya (Alania from A to Z)*. Vladikavkaz: Proekt-Press, 118—122. (in Russian).
- Marzoev, I.-B.T. 2022. *Izvestiia Severo-osetinskogo Instituta gumanitarnykh i social'nykh issledovaniy (Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Research)* 43 (82), 30—40 (in Russian).
- Miller, A.A. 1925. In *Izvestiia Rossiiskoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Proceedings of the Russian Academy of the History of Material Culture)* IV, 1—42 (in Russian).
- Mukhiddinov, I.M. 1989. *Relikty doislamskikh obychaev i obriadov u zemledel'tsev Zapadnogo Pamira (XIX — nachalo XX vv.) (Relics of the Pre-Islamic Customs and Rituals among the Farmers of the Western Pamirs (the 19th — early 20th cc.))*, 1. Dushanbe: Donish. (in Russian).
- Slanov, A.A. 2017. *Istoricheskie oblasti Iuzhnoi Osetii (The Historical Regions of South Ossetia)*. Vladikavkaz: IPP imeni V.A. Gassieva (in Russian).
- Tmenov, V.Kh. 1969. In *Materialy po arkheologii i drevnei istorii Severnoi Osetii (Materials on archeology and ancient history of North Ossetia)* II, 138—158 (in Russian).
- Tmenov, V.Kh. 1988. In: Kuznetsov, V.A. (ed.). *Metodika i interpretatsiia arkheologicheskikh materialov Severnogo Kavkaza (The Methodics and Interpretation of the Archaeological Monuments in the Northern Caucasus)*. Ordzhonikidze: Severo-osetinskii Institut gumanitarnykh issledovaniy, 137—149 (in Russian).
- Tmenov, V.Kh. 1995. *Zodchestvo srednevekovoi Osetii (Architecture of the Medieval Ossetia)*. Vladikavkaz: IPP imeni V.A. Gassieva (in Russian).
- Tskhovrebov, I.N. 1962 (ed.). *Istoriia Osetii v dokumentakh i materialakh. (The History of Ossetia in the Documents and Materials)*. Vol. 1. Tskhinvali: Gosizdat Iugo-Osetii (in Russian).
- Chibirov, L.A. 2020. *Poseleniia i zhilishcha osetin (Villages and Houses of Ossetians)*. Vladikavkaz: Ir (in Russian).
- Shcheblykin, I.P., 1928. *Izvestiia Ingushskogo Instituta kraevedeniia (Proceedings of the Ingush Institute of Local Lore)* 1, 3—30 (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2023. In: *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (From the history of culture of the peoples of the North Caucasus)* 16, 436—468 (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2019. On Planigraphy of the Early Nomadic Steppe Necropolises with the Series of Women-Warriors. *Global Journal of Archaeology and Anthropology* 8 (4), 555—742.

Рис. 1. Карта основных селений (хъæу) верховьев Большой Лиахвы.

Fig. 1. Map of the main villages (khæu) of the Upper Big Liakhva Basin.

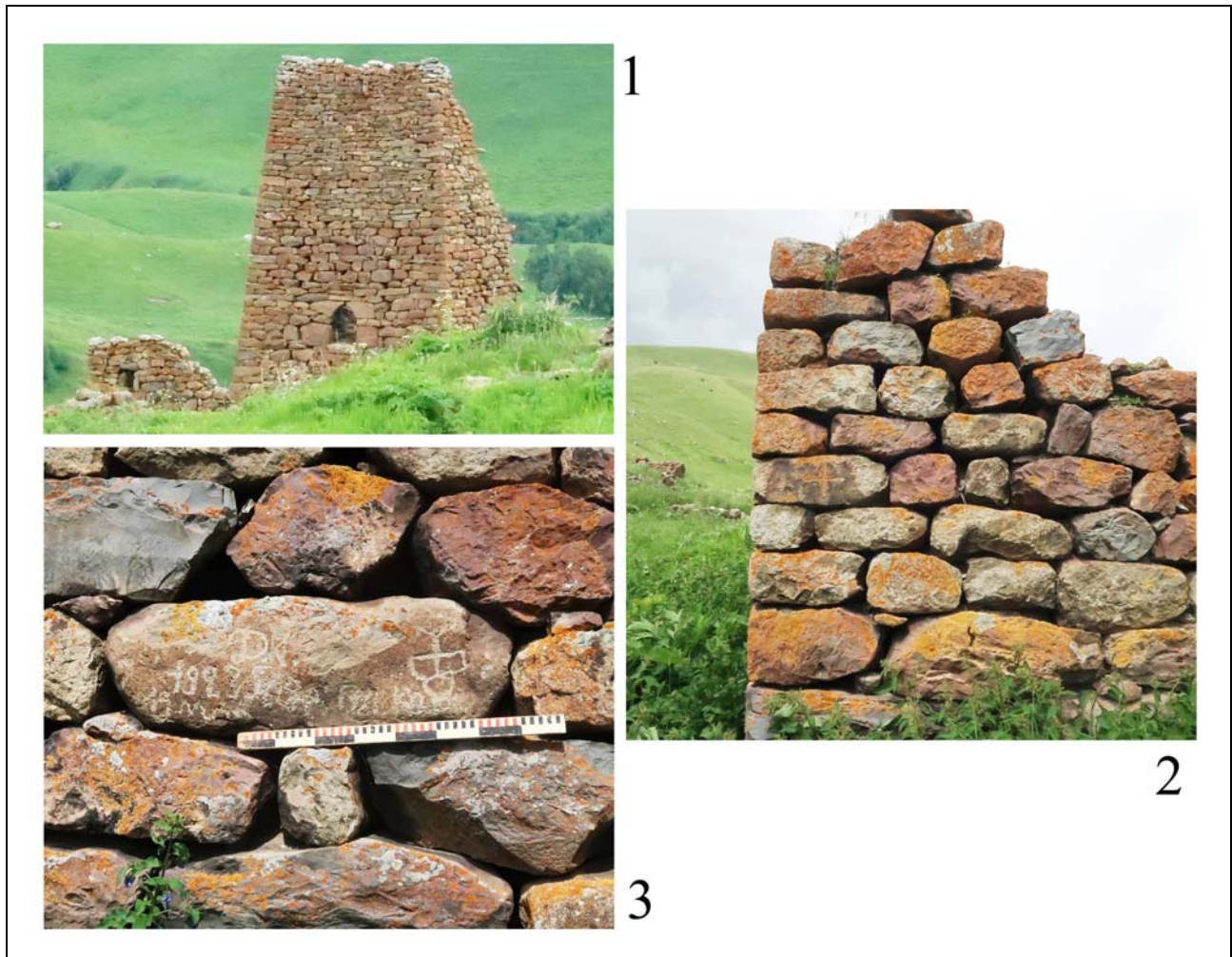
Рис. 2. Верхний Ерман. Общий вид башенных комплексов с граффити: *I* — вид с юга, из-за реки Ермандон, от склепового некрополя. С востока на запад: *1* — башня фамилии (мыггæгтæ) Короевых; *2* — башня Джелиевых (Гелдиевых) верхняя; *3* — башня Джелиевых (Гелдиевых) верхняя; *II* — вид с севера: башни Джелиевых (Гелдиевых); *2* — верхняя, *3* — нижняя; *III* — вид с запада: *4* — башня Кубилаевых.

Fig. 2. Upper Erman. General view of the tower complexes with graffiti: *I* — view from the south, across the Ermandon River, from the crypt necropolis. From east to west: *1* — tower of the Koroev clan (myggægtæ); *2* — the upper tower of the Jeliev (Geldiev) clan; *3* — the upper tower of the Jeliev (Geldiev) clan; *II* — view from the north: towers of the Jeeliev (Geldiev) clan; *2* — upper; *3* — lower; *III* — view from the west: *4* — tower of Kubilaev clan.

Рис. 3. Верхний Ерман. Башня Короевых: 1 — общий вид с юго-востока; 2 — дверь башни (юго-западная стена); 3—4 — западный (правый) угол северо-западной стены; 5 — западный (левый) угол юго-западной стены; 6 — входной проем юго-западной стены до разрушения (Дзаттиаты 2002: рис. 25); 7 — схема размещения основных граффити.

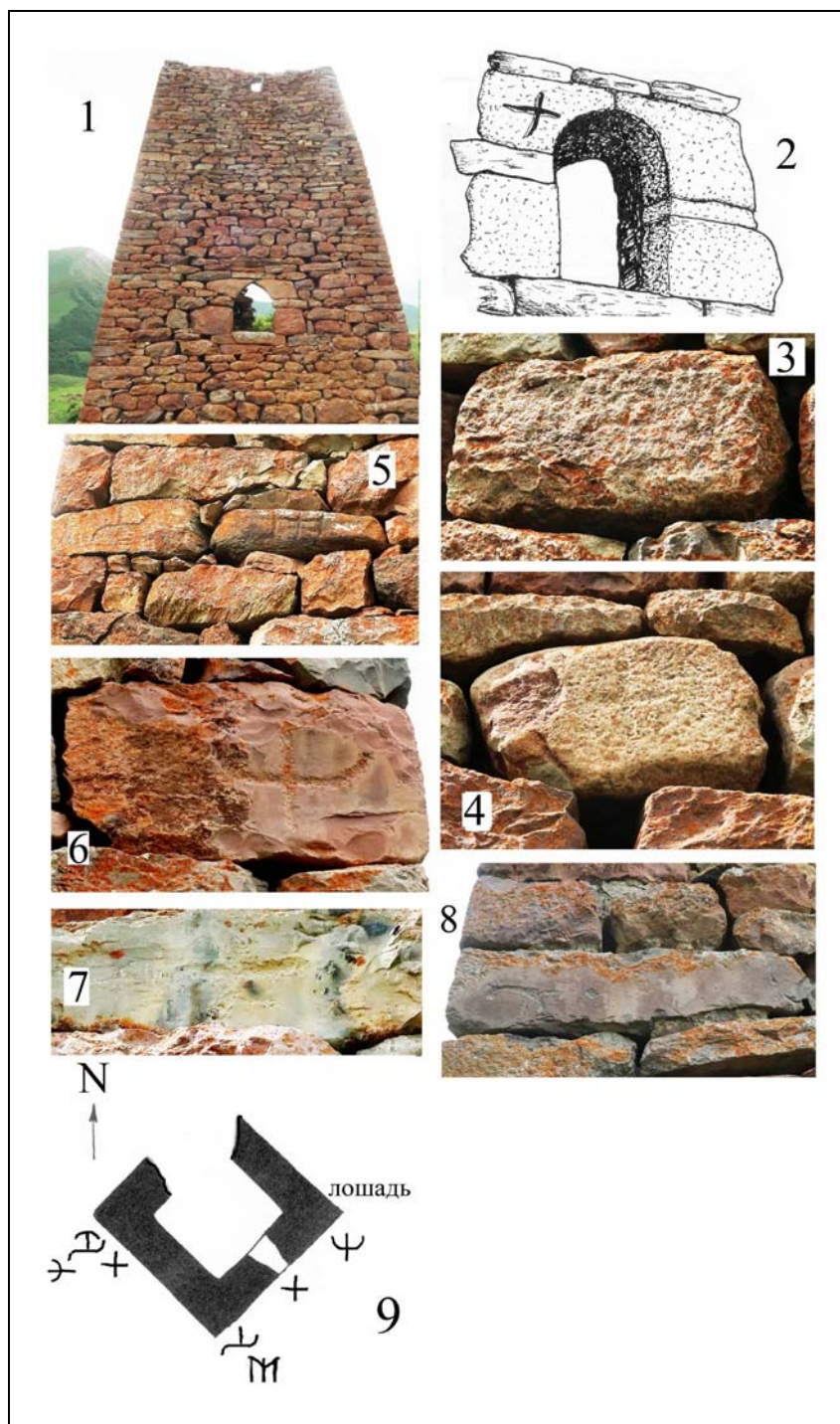
Fig. 3. Upper Erman. Koroev clan tower: 1 — general view from the southeast; 2 — tower door (south-western wall); 3—4 — western (right) corner of the northwestern wall; 5 — western (left) corner of the southwestern wall; 6 — entrance opening of the south-western wall before destruction (Dzattiaty 2002: fig. 25); 7 — planigraphy of the main graffiti.

Рис. 4. Верхний Ерман. Башня Джелиевых (Гелдиевых) верхняя: 1 — общий вид с северо-востока; 2 — западный фас северной стены присторенного северо-восточного помещения, вид с юго-запада; 3 — граффити К. Джелиева 6 мая 1923 г. на юго-восточной стене.

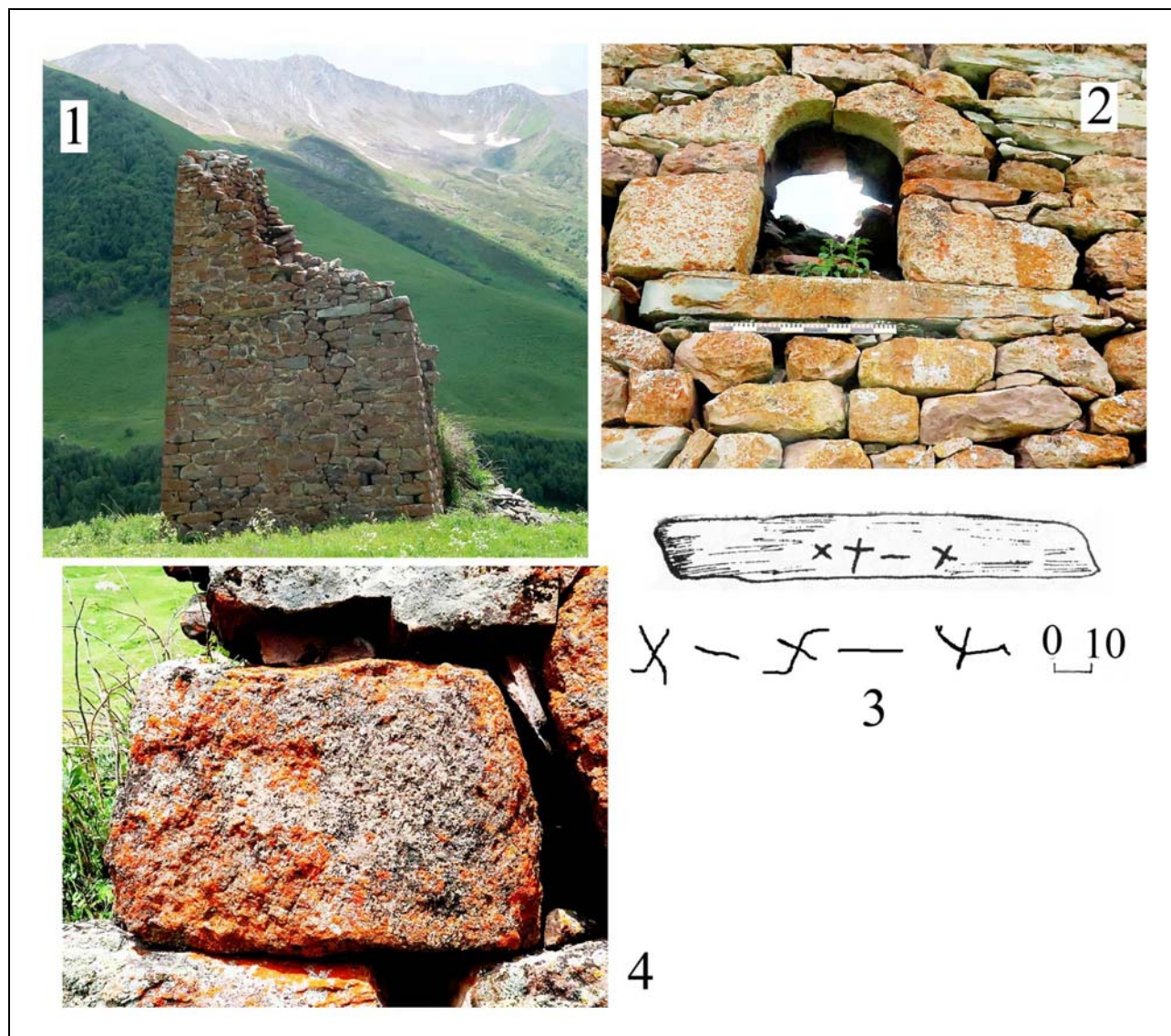
Fig. 4. Upper Erman. The upper tower of Dzheliev (Geldiev) clan: 1 — general view from the north-east; 2 — western face of the northern wall of the attached north-eastern section, view from the south-west; 3 — graffiti by K. Jeliev on May 6, 1923 on the south-eastern wall.

Рис. 5. Верхний Ерман. Башня Джелиевых (Гелдиевых) нижняя: 1 — юго-восточная стена; 2 — дверной проем (Дзаттиаты 2002: рис. 25); 3 — западный угол юго-западной стены; 4 — у западного угла юго-западной стены; 5 — южный угол юго-восточной стены; 6 — восточный угол юго-восточной стены; 7 — у западного угла юго-западной стены; 8 — восточный угол северо-восточной стены; 9 — схема размещения основных граффити.

Fig. 5. Upper Erman. The lower tower of the Dzheliev (Geldiev) clan: 1 — south-eastern wall; 2 — doorway (Dzattiaty 2002: fig. 25); 3 — western corner of the south-western wall; 4 — at the western corner of the south-western wall; 5 — southern corner of the south-eastern wall; 6 — eastern corner of the south-eastern wall; 7 — at the western corner of the south-western wall; 8 — eastern corner of the north-eastern wall; 9 — planigraphy of the main graffiti.

Рис. 6. Верхний Ерман. Башня Кубилаевых: 1 — общий вид с севера; 2 — дверной проем, западная стена; 3 — плита в основании дверного проема: рис. Р.Г. Дзаттиаты (Дзаттиаты 2002: рис. 21) и новая прорисовка; 4 — юго-западный угол, вид с юга.

Fig. 6. Upper Erman. Kubilaev clan tower: 1 — general view from the north; 2 — doorway, western wall; 3 — plate at the base of the doorway: drawing of R.G. Dzattiaty (Dzattiaty 2002: fig. 21) and a new drawing; 4 — south-western corner, view from the south.

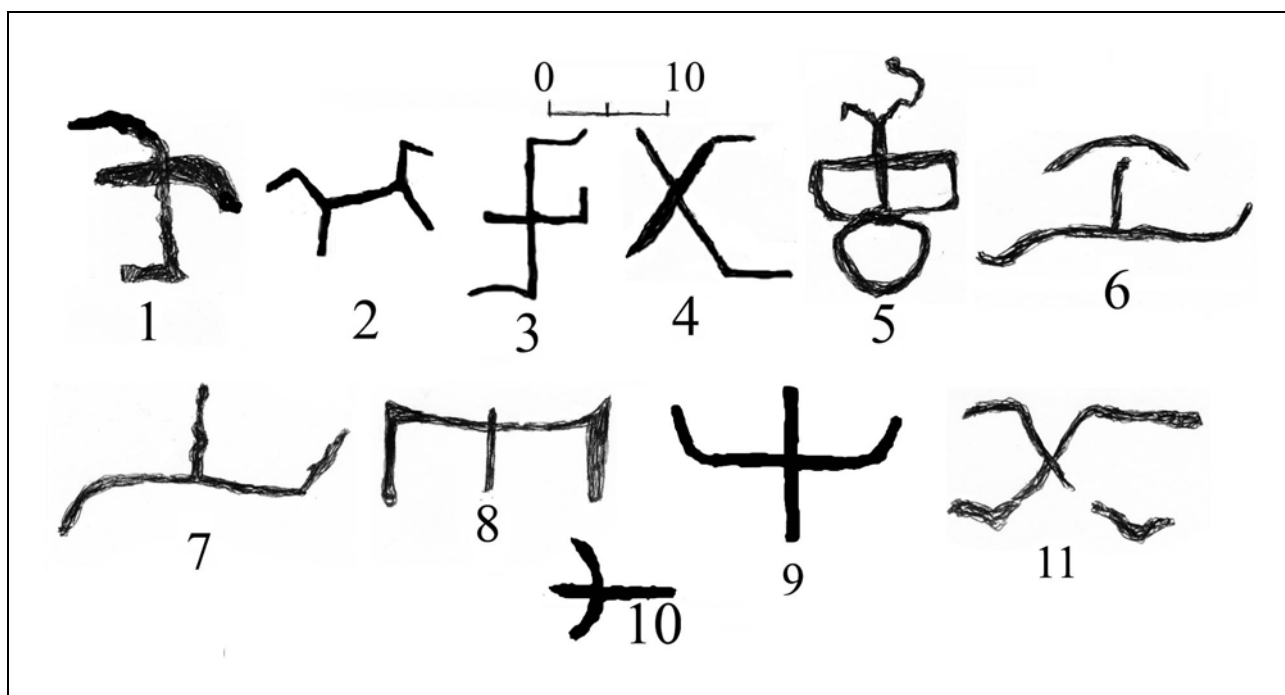
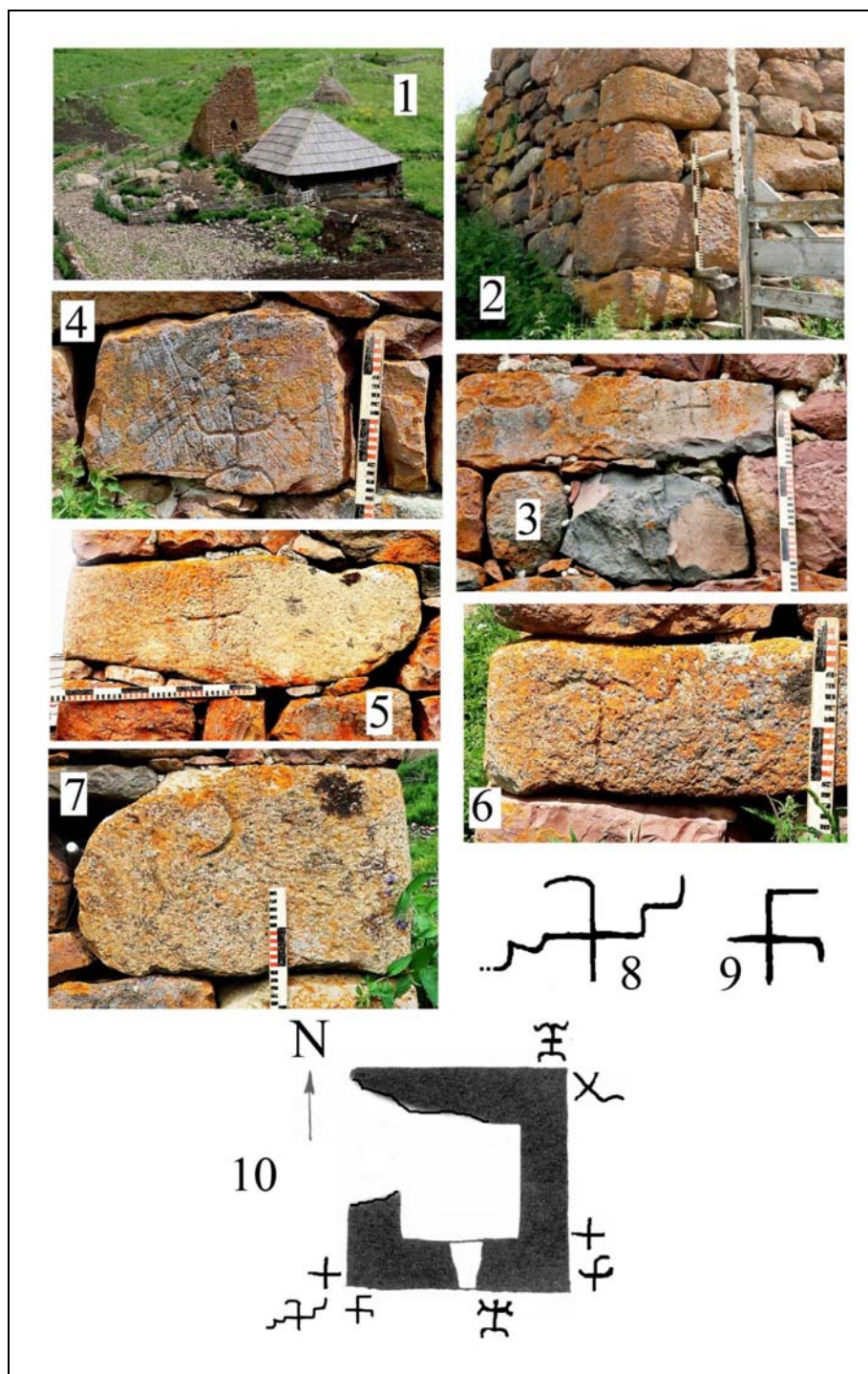

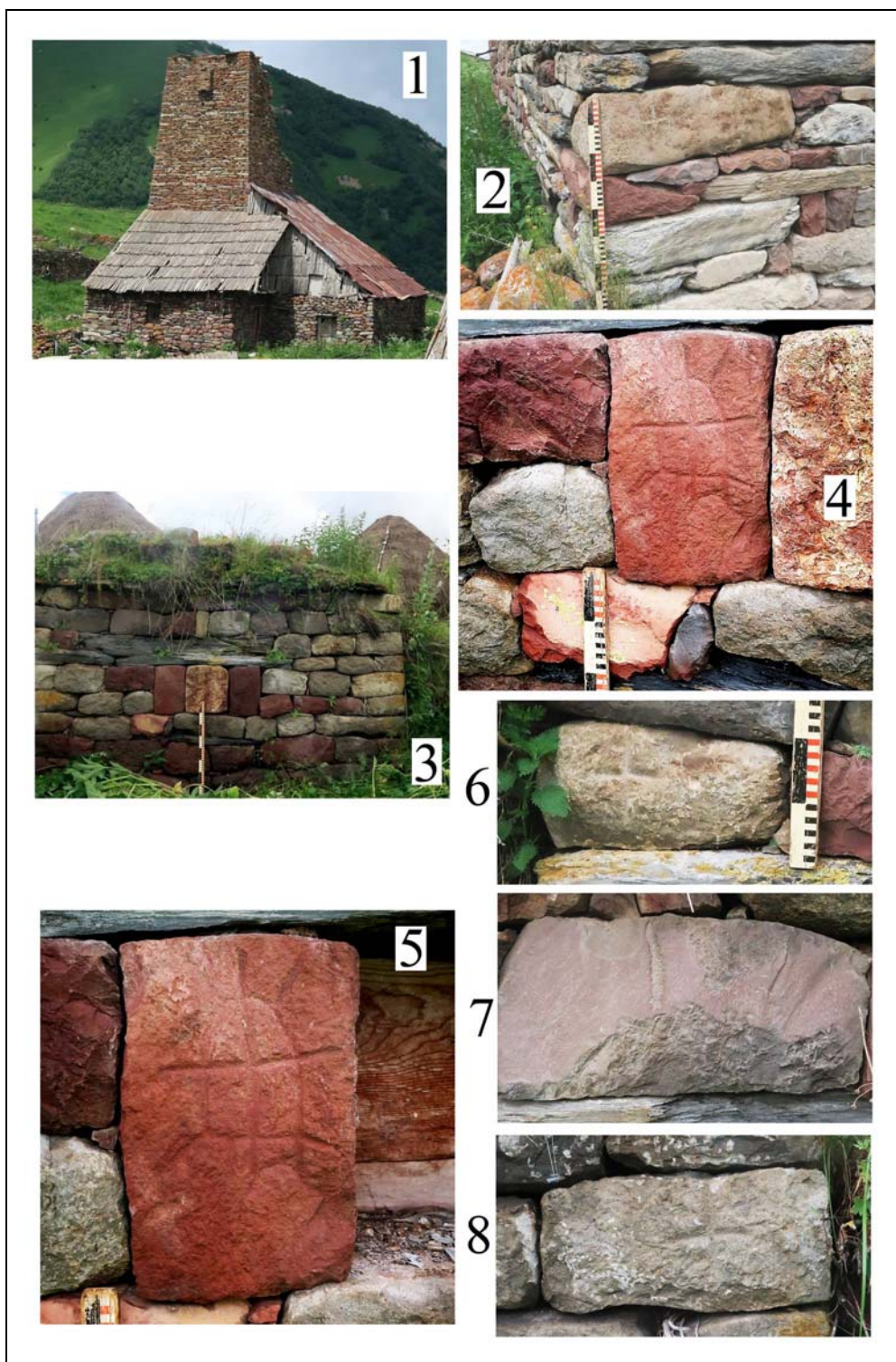
Рис. 7. Верхний Ерман. Знаки типа тамг на башнях: 1–4 — Короевы; 2 — Джелиевы (Гелдиевы); 5 — верхняя, 6–10 — нижняя; 11 — Кубилаевы.

Fig. 7. Upper Erman. The Signs of “tamga” type on the towers: 1–4 — Korojev clan; 2 — Jeliev (Geldiev) clan; 5 — upper, 6–10 — lower; 11 — Kubilaev clan.

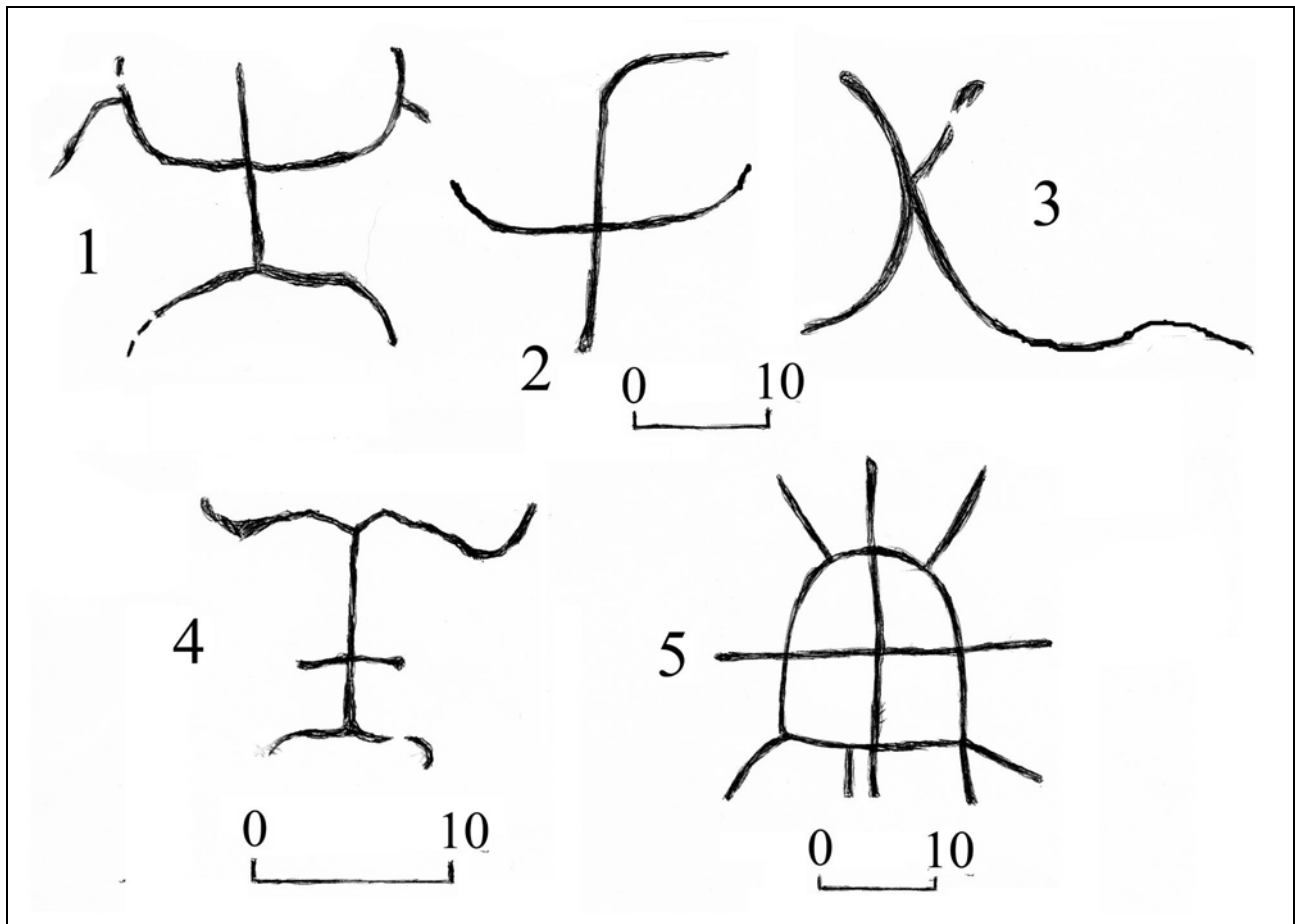
Рис. 8. Средний Ерман. Восточная (нижняя) башня Фарниевых: 1 — общий вид усадьбы с башней, вид с юго-запада; 2 — юго-западный угол; 3 — восточная стена у юго-восточного угла; 4 — южная стена, ниже и правее дверного проема; 5 — юго-восточный угол восточной стены; 6 — северная стена, северо-восточный угол; 7 — северо-восточный угол восточной стены; 8—9 — юго-восточный угол западной и восточной стен; 10 — схема размещения основных граффити.

Fig. 8. Middle Erman. The eastern (lower) tower of the Farniev clan: 1 — general view of the estate with the tower, view from the southwest; 2 — south-western corner; 3 — eastern wall near the south-eastern corner; 4 — southern wall, below and to the right of the doorway; 5 — south-east corner of the eastern wall; 6 — northern wall, north-east corner; 7 — north-east corner of the eastern wall; 8—9 — south-east corner of the western and eastern walls; 10 — planigraphy of the main graffiti.

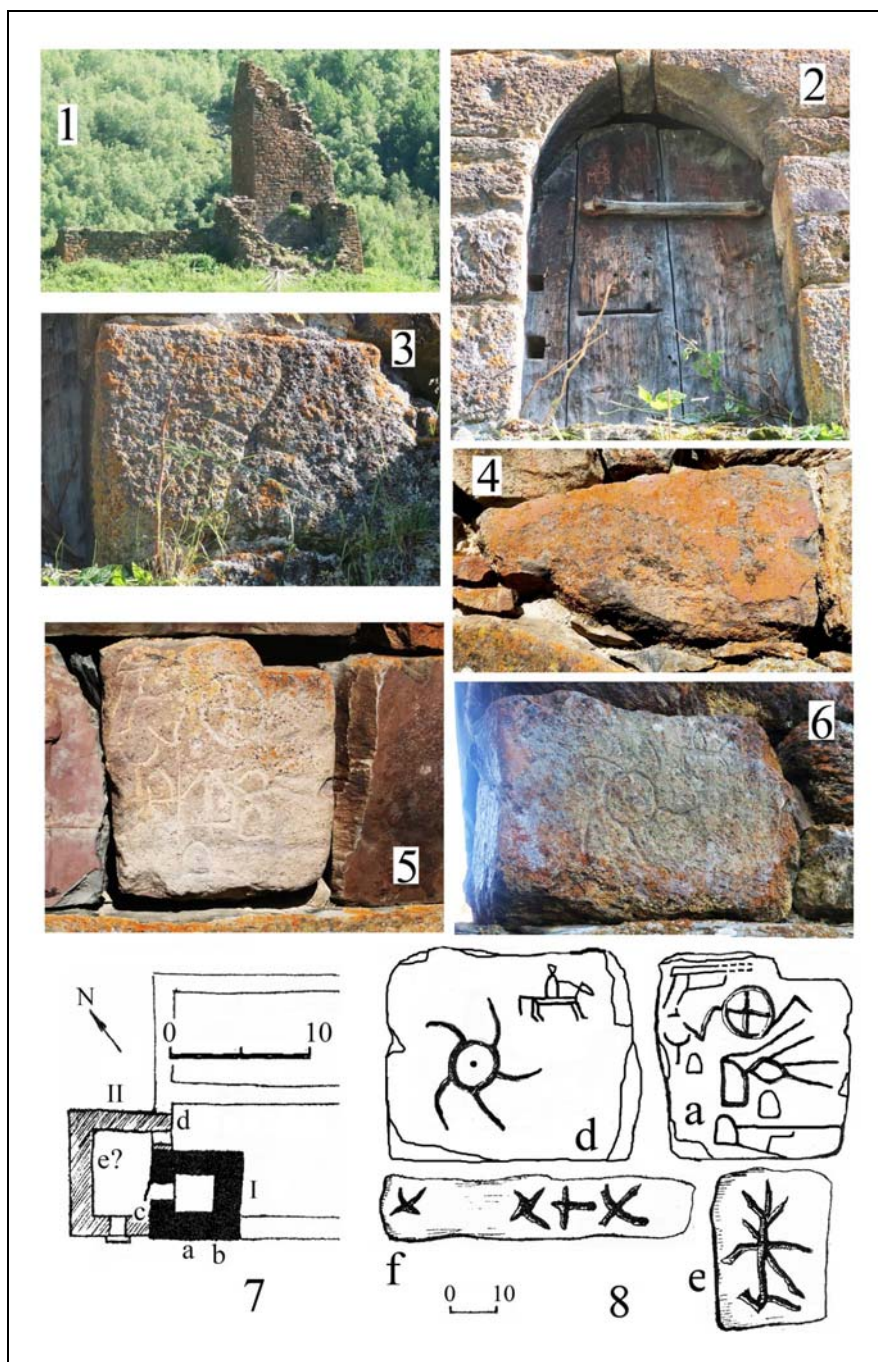
Рис. 9. Средний Ерман. Постройки Фарниевых: 1—2 — западная (верхняя) башня; 3—8 — фамильный полуподземный склеп (вид с юга). 1 — общий вид с северо-востока; юго-восточный угол восточной стены восточной пристройки; 3 — общий вид; 4—5 — плита с тамгой слева от входного отверстия; 6—8 — знаки на ряде плит выше входного отверстия (6 — левый угол, 7 — в центре, 8 — правый угол).

Fig. 9. Middle Erman. Buildings of the Farniev clan: 1—2 — western (upper) tower; 3—8 — family semi-underground crypt (view from the south). 1 — general view from the north-east; south-east corner of the east wall of the east extension; 3 — general view; 4—5 — a slab with a tamga to the left of the inlet; 6—8 — signs on a number of plates above the inlet (6 — left corner, 7 — in the center, 8 — right corner).

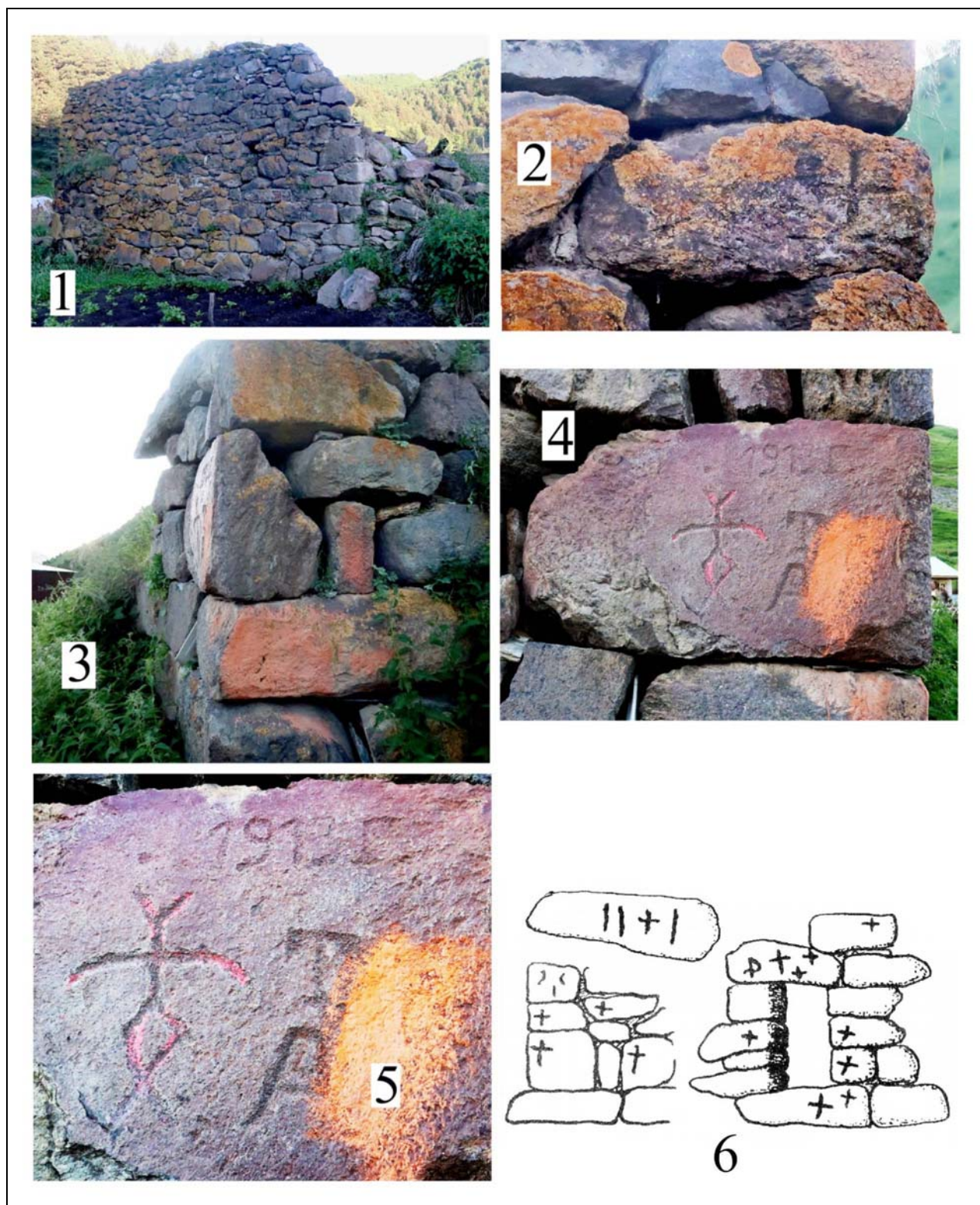
Рис. 10. Средний Ерман. Знаки типа тамг на постройках Фарниевых: 1–4 — восточная (нижняя) башня; 5 — полуподземный склеп.

Fig. 10. Middle Erman. Signs of the “tamga” type on the buildings of the Farniev clan: 1–4 — eastern (lower) tower; 5 — semi-underground crypt.

Рис. 11. Комплекс с башней Тотровых в с. Ходз: 1 — общий вид с севера; 2 — дверь башни, вид с севера; 3 — правый нижний угол дверного проема; 4–5 — плиты с граффити на западной стене малой пристройки галуана; 6 — граффити на плите у юго-восточного входа в малую пристройку; 7 — план комплекса: I — башня; II — малая прислойка; a — композиция с пистолетом; b — крест с «Голгофой»; c — свастика; d — композиция со всадником; e — «Мировое древо»; f — серия крестов; 8 — граффити на стенах комплекса (Дзаттиаты 2002: рис. 21) и новые прорисовки сохранившихся плит (a, d).

Fig. 11. The complex with the tower of the Totrov clan in Khodz Village: 1 — general view from the north; 2 — tower door, view from the north; 3 — the lower right corner of the doorway; 4–5 — slabs with graffiti on the western wall of the small section; 6 — graffiti on a slab at the southeast entrance to the small section; 7 — plan of the complex: I — tower; II — small section; a — composition with a pistol; b — cross with “Golgotha”; c — swastika; d — composition with a rider; e — “World Tree”; f — a series of crosses; 8 — graffiti on the walls of the complex (Dzattiaty 2002: fig. 21) and new drawings of the surviving slabs (a, d).

Рис. 12. Едыс. Ганах (укрепленный дом) Бегизовых и башня Кобеевых: 1 — стена ганаха, вид с севера; 2 — северо-восточный угол; 3 — юго-восточный угол; 4—5 — граффити 1919 г. на юго-восточном углу южной стены ганаха; 6 — башня Кобеевых (по Дзаттиаты 2002: рис. 20).

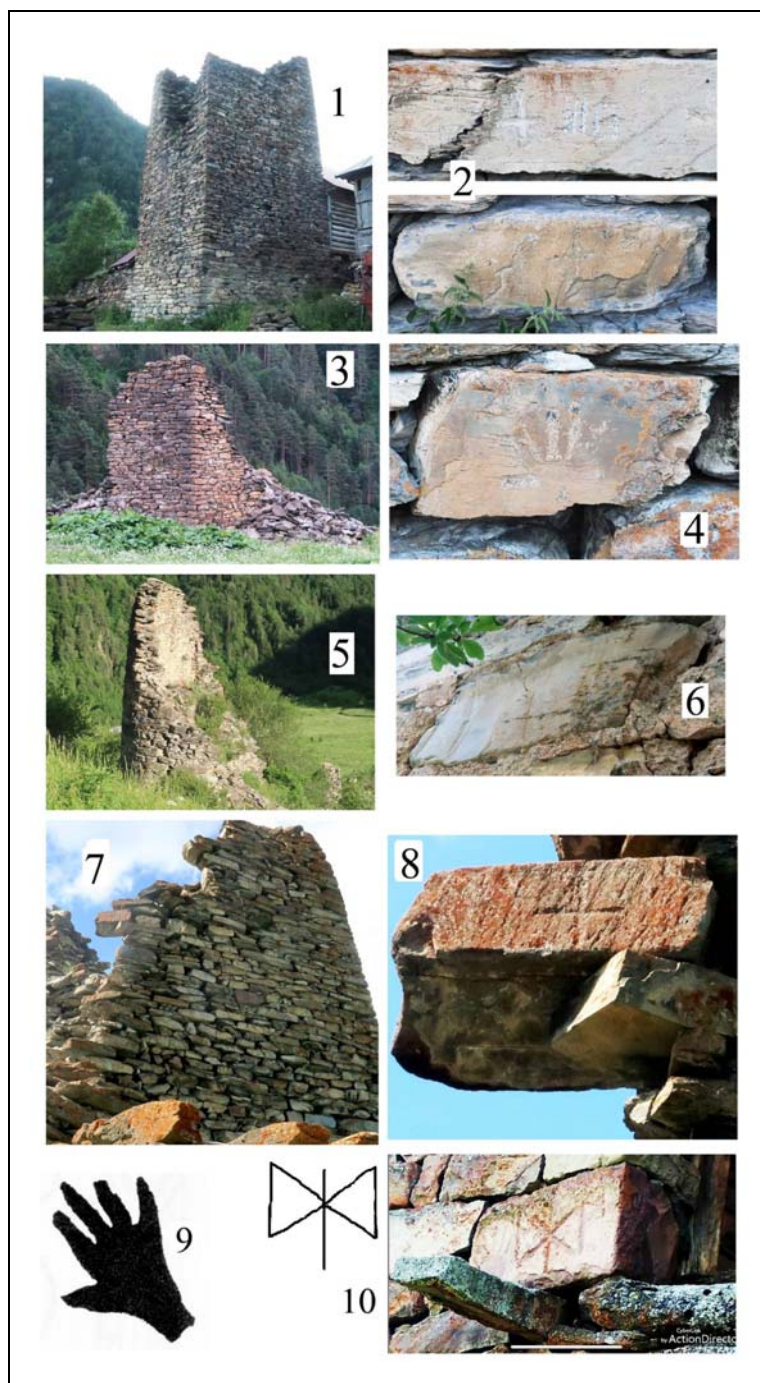
Fig. 12. Edys. Ganækh (the fortified house) of the Begizov clan and the tower of the Kobeev clan: 1 — wall of the ganækh, view from the north; 2 — north-east corner; 3 — south-east corner; 4—5 — graffiti of 1919 on the south-east corner of the southern wall of the ganækh; 6 — tower of the Kobeev clan (after Dzattiaty 2002: fig. 20).

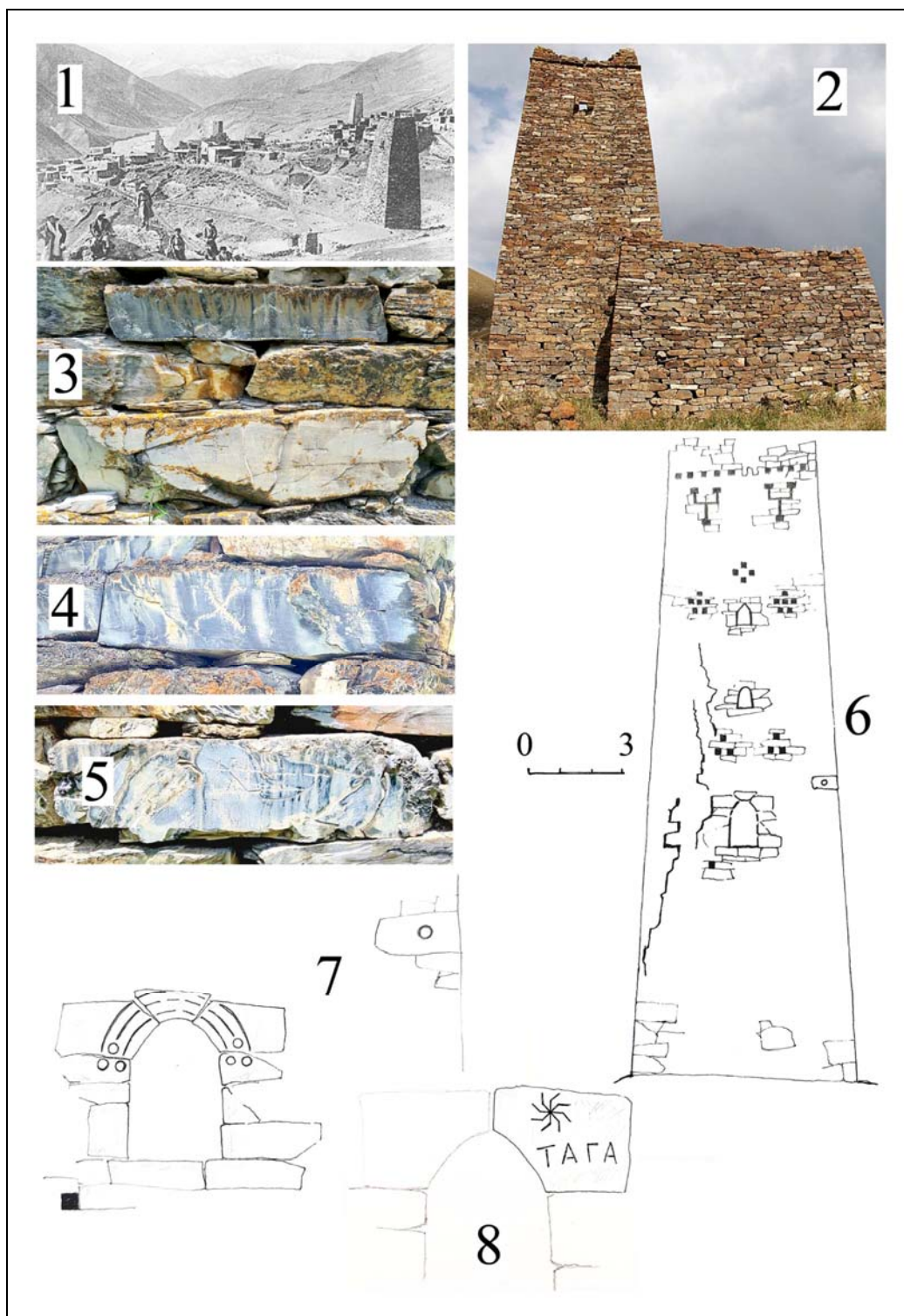
Рис. 13. Зона распространения и формы знаков типа тамг на постройках у истоков р. Большой Лиахвы (р. Ермандон и Кадласанидон).

Fig. 13. Distribution zone and forms of the signs of "tamga" type on buildings at the origin of Big Liakhva River (Ermandon and Kadlaskanidon Rivers).

Рис. 14. Единичные граффити: башни Плиевых (1—2) и Дзерановых (?) (3—4) в с. Средний Рук, Приевых в с. Средний Сба (5—6), Галуевых нижняя в с. Галуата (7—8); склеп Абаевых в с. Верхний Сба (9) (по Дзаттиаты 2002: рис. 97); башня Битаровых в с. Баджин в Дзимарском ущелье (Ленингорский район, фото Ю.М. Бетева) (10). 1 — общий вид с юго-востока; 2 — западная стена; 3 — общий вид с северо-запада; 4 — юго-западный угол южной стены; 5 — общий вид с северо-запада; 6 — южная стена; 8 — западный угол; 10 — граффити слева от входного проема.

Fig. 14. The single graffiti: towers of the Pliev (1—2) and Dzeranov (?) clans (3—4) in the Middle Rukh Village, Prievev clan tower in the Middle Sba Village (5—6), Galuyev lower in Galuata Village (7—8); the crypt of the Abaev clan in the Upper Sba Village (9) (after Dzattiaty 2002: fig. 97); Bitarov clan tower in Bajin Village at the Dzimara Gorge (Leningor District, photo by Yu.M. Beteev) (10). 1 — general view from the south-east; 2 — western wall; 3 — general view from the north-west; 4 — south-western corner of the southern wall; 5 — general view from the north-west; 6 — south wall; 8 — western corner; 10 — graffiti to the left of the entrance.

Рис. 15. Неопубликованные тамги башенных комплексов в Северной Осетии: 1—5 — Уелта (1 — открытка начала XX в; 2—5 — Уелта, замок-галуан Тадеева, фото М.А. Цагараева); 6—7 — Верхний Луар, башня первоначального галуана: западный фасад и арка входа (рис. Б.Т. Цогоева); 8 — Верхний Кобан, входная арка ганаха Османа Канукова (рис. Б.Т. Цогоева).

Fig. 15. The unpublished tamgas of tower complexes in the Northern Ossetia: 1—5 — Uelta (1 — postcard from the beginning of the 20th century; 2—5 — Uelta, Tadeev clan castle (galuan), photo by M.A. Tsagaraev; 6—7 — Upper Luar, tower of the original galuan: western facade and entrance arch (drawing by B.T. Tsogoev); 8 — Upper Koban, entrance arch of Osman Kanukov's ganakh (drawing by B.T. Tsogoev).